

БЕСѢДА ШЕСТАЯ.

Въ разговорѣ со всѣми присутствующими порознъ Сократъ защищаетъ изложенное имъ въ прошедшей бесѣдѣ понятіе бытія. Онъ отстаиваетъ непосредственную фактическую данность его элементовъ въ сознаніи и единство ихъ въ связи и отношеніи другъ къ другу. Въ концѣ бесѣды Сократъ рассматриваетъ смыслъ и значеніе различныхъ выражений, относящихся къ понятію бытія, у некоторыхъ философовъ, а также встрѣчающихся въ общемъ употребленіи языка

Проснувшись въ воскресенье часовъ въ девять утра, я хотѣлъ было поспѣшить вставать, чтобы не опоздать къ Сократу, но сей-часъ же вспомнилъ, что сегодня „симпозіона“ не будетъ и что спѣшить некуда. Я остался въ постель и ощутилъ въ себѣ какое то смутное чувство недовольства. Всмотрѣвшись внимательнѣе въ это чувство, я увидалъ, что оно происходило именно отъ того, что сегодня не будетъ „симпозіона“, къ которому я уже сдѣлалъ привычку. Да и вообще я открылъ въ себѣ, что бесѣды съ Сократомъ интересуютъ меня гораздо сильнѣе, чѣмъ можно было бы то предполагать при поверхностномъ взглядѣ на дѣло. По крайней мѣрѣ, я чувствовалъ, что уѣхать изъ Петербурга безъ какого либо определенного рѣшенія вопросовъ, поднятыхъ въ нашихъ бесѣдахъ, было бы для меня тяжело. Имѣя въ виду, что сегодня должны быть выяснены затрудненія и сомнѣнія, возбуждаемыя понятіемъ

бытія, и что главнымъ образомъ споры будуть сосредоточены на вопросѣ о нашей субстанції, или о нашемъ „я“ и его дѣятельности, я просматривалъ въ всегда находящихся при мнѣ сочиненіяхъ моего любимаго философа, Шопенгауера, разныя мѣста, въ которыхъ говорится о нашемъ „я“. При этомъ я, уже изъ прежнихъ споровъ и разговоровъ съ Сократомъ убѣдившійся, что Шопенгауеръ черезчуръ несправедливо относился къ Фихте и Шеллингу и что онъ въ постановкѣ своего основного начала, „воли“, хотя и оригинально, но все таки шелъ по проложенной уже ими дорогѣ, очень жалѣлъ, что почти не знакомъ съ ихъ сочиненіями, а въ особенности, съ сочиненіями Фихте, который весь міръ и все существующее выводитъ изъ дѣятельности „я“.

Затѣмъ я отправился повидать нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ и, отдохнувши не много послѣ обѣда дома, я часу въ 8-мъ пошелъ къ Калганову, котораго засталъ въ приготовленіи къ предстоящему вечеру.

„Когда вы позвонили“, сказалъ, поздоровавшись со мной, Калгановъ, „я думалъ, что пришелъ Сократъ, который обыкновенно приходить раньше другихъ, но сегодня онъ что то запоздалъ; вотъ ужь половина восьмого. Впрочемъ, вотъ и онъ“, прибавилъ Калгановъ, когда изъ передней раздался звонокъ.

И дѣйствительно въ комнату вошелъ Сократъ, который, поздоровавшись съ нами, обратился къ Калганову съ неожиданнымъ вопросомъ: „скажите, Петръ юомичъ, обѣщали ли прійти сюда Шугаевъ? Вы, вѣдь, просили его“?

Калгановъ. Вчера я даже нарочно сдѣлалъ визиты ему, Красоткину и Синайскому, адресъ котораго я у васъ спрашивалъ. Синайскій и Шугаевъ, которыхъ я засталъ, обѣщали быть непремѣнно, а Красоткину, котораго я не засталъ, я оставилъ записку. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы были всѣ и чтобы удалось общими силами затравить васъ. А вы для чего же о Шугаевѣ спрашиваете?

Сократъ. Да такъ, чтобы знать съ какими противниками будешь иметь дѣло. Мнѣ, признаться сказать, всего утомительнѣе вести

споры съ этими господами научными позитивистами. Конечно, не потому, чтобы ихъ возраженія особенно смущали меня, а потому что нужно пройти черезъ большую словесную околосиду для того, чтобы вполнѣ разоблачить ту неумышленную софистику, которой они улавливаютъ прежде всего себя, а потомъ и другихъ.

Я. Скажите, Сократъ Ивановичъ, почему вы, какъ я уже не въ первый разъ слышу, позитивизмъ настойчиво обвиняете въ софистикѣ?

Сократъ. Да потому что это правда, въ чемъ я убѣдился послѣ долгаго опыта и тяжелой умственной борьбы. Всю сущность этой софистики можно выразить такъ. Отрицая всяческія субстанціи и особенно нашу духовную субстанцію или то, про что мы говоримъ: „я“, позитивисты берутъ назадъ все свое отрицаніе и замѣняютъ его утвержденіемъ въ, повидимому, невинныхъ и столь обычныхъ выраженіяхъ, где является словечко „мы“. Выходитъ то, что эти „мы“ тайкомъ пожираютъ всю дѣятельность „я“ и всю его дѣйствительность. При этомъ, благодаря туману, которымъ окружаетъ насъ это яко бы невинное словечко, позитивистическое отрицаніе субстанціальности можетъ показаться состоятельнымъ логически. Эта кажущаяся состоятельность можетъ тѣмъ болѣе вводить въ заблужденіе, что въ позитивистическомъ отрицаніи субстанціи, по скольку оно касается материальныхъ вещей, есть и доли правды. Впрочемъ, и съ отрицаемой материальной субстанціей ими продѣлывается софистика, подобная совершающей съ духовной субстанціей.

„Какъ тамъ эта субстанція тихомолкомъ вводится въ дѣло при посредствѣ словечка „мы“, такъ здѣсь материальная субстанція вводится подъ терминами: предметъ, объектъ, вещь, и при постоянной ссылкѣ на естественные науки, по слѣдамъ которыхъ идетъ будто бы позитивизмъ. Конечно, естественные науки неизбѣжно должны принимать какой либо субстратъ, лежащій въ основѣ изслѣдуемыхъ ими явлений, т. е., материальную или эфирную субстанцію, сплошную, или же состоящую изъ атомовъ. Только при этомъ условіи естественные науки и имѣютъ право говорить о впе-

чатлъніяхъ, дѣлаемыхъ этимъ субстратомъ или матерію на нась, и сводить всѣ физико-химическія явленія на движенія частицъ этой матеріи, на ихъ толчки, удары и т. п. Любопытно было бы, какъ позитивистическая философія, не имѣющая права ни на эфиръ, ни на матерію, ни на атомы, ни на движенія, ни на толчки, ни на удары, ни на впечатлънія, разумѣется, если бы она была строго-послѣдовательною, какъ бы она стала объяснять, напр., процессъ познанія изъ мнимыхъ *впечатлъній*, которая дѣлаетъ одна *мнимая „совокупность“*, т. е., матерія, воображаемая другою *мнимою „совокупностью“*, т. е. духовною субстанціею, на эту послѣднюю; или, говоря иными словами, изъ впечатлъній, дѣлаемыхъ *однимъ ничто на другое ничто?*

„Чтобы вся *пустота* позитивизма или феноменизма сдѣлалась совершенно ясной, необходимо:

1) Требовать отъ его представителей, чтобы они строго и подробно опредѣляли употребляемые ими термины, особенно же тѣ ходячія словечки, которая всякому кажутся такъ понятными, какъ напр.: „фактъ“, „опытъ“, „мы видимъ“, или „наука говорить“ и множество другихъ.

2) Должно, какъ можно внимательнѣе, сопоставлять эти объясненія и опредѣленія другъ съ другомъ, чтобы ясно увидѣть ихъ дисгармонію и ошибочность. При этомъ должно оберегаться своей собственной укоренившейся привычки считать понятнымъ и яснымъ многое такое, что, на самомъ дѣлѣ, вовсе не ясно.

3) Особенно должно не позволять позитивистамъ употреблять различные термины въ томъ общепринятомъ обычномъ смыслѣ, на который они не имѣютъ права въ силу своихъ собственныхъ теорій. Такъ достаточно было бы, напр., чтобы вместо всѣхъ „мы“ т. е., множественного числа отъ я, они попробовали употреблять тѣ термины, которыми они замѣняютъ терминъ; „я“ въ своей критикѣ понятія субстанціи. Пусть, напр., говорять вместо „мы“— „метафизический фантомъ“ или „иллюзія воображенія“ или „совокупность свойствъ“ и т. п.

„Я увѣренъ, что соблюденіе этихъ предосторожностей вывело бы на свѣтъ божій софистику позитивизма и избавило бы отъ опасности впасть въ позитивистическое заблужденіе, что будто бы „я“ есть не субстанція, а какой-то „пучокъ“ или „совокупность свойствъ“.

„Что касается до кровнаго родства позитивизма съ софистикой, то въ послѣднее время оно *прямо и открыто* признано самимъ позитивизмомъ въ лицѣ одного изъ талантливыхъ современныхъ позитивистовъ, имя котораго я желаю умолчать. Въ обширномъ сочиненіи этотъ позитивистъ всѣ направлениа философіи во всѣ времена сводить къ двумъ враждебнымъ группамъ: *идеализму* и *позитивизму*, и родоначальниками или первыми важнѣйшими представителями этихъ двухъ направлений считаетъ знаменитыхъ эллиновъ: Платона и Протагора. Что касается до меня, то я съ удовольствіемъ принимаю дѣленіе направлений всей философіи на *две* группы, а также охотно согласенъ признать праотцами этихъ направлений двухъ названныхъ мыслителей¹⁾. Разница только въ томъ, что вышеупомянутый позитивистъ видѣтъ *научную и передовую философію* въ направлении Протагора, а я вижу *истинную философію*, по скольку она доступна человѣческой субстанціи, въ направлении Платона.

Я. А нельзя ли, Сократъ Ивановичъ, узнать имя этого современнаго позитивиста?

Сократъ. Ну, ужь извините меня, а объ имени я умолчу. Впрочемъ, вѣроятно наши научные, которые можетъ быть, еще до него не дошли, (что впрочемъ и понятно, ибо нужно прочесть, по крайней мѣрѣ, препочтенныихъ три тома), скоро будутъ клясться его именемъ и приводить болѣе хлесткіе отрывки изъ этихъ томовъ...

1) При этомъ случаѣ я позволяю себѣ указать читателямъ на мое дѣленіе всей философіи на два направлениа: *абсолютна бытія и абсолютной перемѣны*, (см. мою книгу: „Очерки изъ исторіи философіи“ стр. 19 и слѣд.).—Примѣч. редактора.

Въ эту минуту въ передней раздался сильный звонокъ и за-тѣмъ слышно было, что разомъ взошли нѣсколько человѣкъ. Калгановъ вышелъ въ переднюю встрѣтить своихъ гостей. Оказалось, что пріѣхали Карамазовы съ Серебряковой, Красоткинымъ и Шугаевымъ, которые зашли къ нимъ, чтобы вмѣстѣ отправиться къ новорожденному. Когда всѣ размѣнялись привѣтствіями, то хозяинъ просилъ Катерину Ивановну взять на себя роль хозяйки и разлить чай, на что она и согласилась съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Сократъ сидѣлъ подлѣ нея. Но прежде она пожелала осмотрѣть квартиру Калганова, такъ какъ еще не видѣла ее.

„Хочу посмотретьъ“, говорила она, улыбаясь, „прилична ли будетъ ваша квартира для будущей хозяйки, которую вы имѣете въ виду, и для пріобрѣтенія которой, я, по старой дружбѣ, совѣтовала бы вамъ принести, по моему, такую легкую и пріятную жертву не спорить и соглашаться съ Сократомъ Ивановичемъ.“

Калгановъ. (Смѣясь). Навѣрно, приму вашъ дружескій совѣтъ, но только не сейчасъ, а годика черезъ три, когда невѣста будетъ совсѣмъ готова и когда я буду увѣренъ, что она достанется мнѣ; а теперь жертву то, пожалуй, принесешь, а невѣstu то вдругъ подѣлѣшь кто нибудь другой. И такъ, пока буду спорить и сегодня же сдѣлаю нападеніе на вашего proteg .

Во время осмотра квартиры, который сдѣлали дамы подъ руководствомъ хозяина, прибылъ и Синайскій. Катерина Ивановна, забраковавъ квартиру Калганова, какъ негодающуюся для семейной жизни, разлила чай и поручила разнести его гостямъ слугѣ Калганова. По отсутствію большаго стола, вокругъ котораго всѣ гости могли бы разсѣсться, они сидѣли въ разсыпную и пили чай молча, вѣроятно, подъ вліяніемъ ожиданія спора съ Сократомъ. Видя это, я обратился къ нему съ вопросомъ, не разрѣшилъ ли онъ мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія, возникшія у меня во время послѣдней бесѣды, происходившей въ четвергъ.

Сократъ. Съ удовольствіемъ! Только сперва надобно спросить у дамъ, не желаютъ ли онъ какихъ либо разъясненій? Помнится,

что въ прошлый разъ Анна Михайловна хотѣла чѣмъ то прижать меня.

Серебрякова. Мне кажется страннымъ, что по вашему какъ будто выходитъ, что мы имѣемъ право навѣрное признать существованіе только самихъ себя: существованіе же чего либо другого, даже людей, значитъ, своего отца и матери, мы можемъ признать только по предложенію или умозаключенію, которое, вѣдь, можетъ быть ложно и ошибочно. А, по моему, существованіе всѣхъ вещей, которая я могу увидѣть, ощупать, точно также достовѣрно, какъ и меня самой. Я читала, не помню въ какой-то книгѣ, что ваша странная теорія называется... ахъ, какое мудреное имя!... не могу вспомнить.... какъ то.... со... са.... не могу! Господа, помогите кто нибудь.

Я. Солипсизмомъ! Если меня не обманываетъ память, то Шопенгауеръ гдѣ то говоритъ, что философія, признающая существованіе только одного „я“, можетъ скорѣе всего найти адептовъ въ больницахъ для умалишенныхъ.

Сократъ. Признаться сказать, Шопенгауеръ въ этомъ случаѣ, какъ говорятъ въ билліардной игрѣ, „положилъ шара на себя“. Вообще различные, болышею частію реторическія, опроверженія солипсизма слабы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ у Канта и у Шопенгауера, рѣшающее значеніе въ вопросѣ о бытіи или дѣйствительности имѣеть не разумъ, а чувственное воспріятіе. Дѣло въ томъ, что самые важные признаки, которыми отличаются для насъ люди отъ всѣхъ остальныхъ существъ, мы решительно не можемъ знать прямымъ опытомъ, какъ, напр., то, что люди ощущаютъ, видятъ, слышатъ, что люди чувствуютъ, хотятъ, думаютъ и т. д. Все это мы не видимъ, не слышимъ, не осозаемъ и т. д., и обо всемъ этомъ мы знаемъ только по выводу, именно: на основаніи *умозаключенія по аналогии*. Въ основѣ всѣхъ случаевъ этой аналогіи лежитъ только одинъ примѣръ, одинъ предметъ, именно: наше собственное „я“. Доступны нашимъ вицѣшимъ чувствамъ только движенія или звуки, приписываемые нами людямъ, а наше толко-

ваніе этихъ звуковъ и движений тѣмъ, что они происходятъ въ силу такихъ-то и такихъ-то мыслей, чувствъ и желаній людей, есть дѣло нашего мыслящаго и умозаключающаго „я“, обладающаго непосредственнымъ знаніемъ только самого себя и не могущаго, такъ сказать, выйти изъ своего сознанія и войти въ чужое. Если бы умозаключеніе по аналогіи мы могли оподозрить въ ошибкѣ и заблужденіи, то должны были бы отрицать всякое существованіе, исключая своего, но въ вѣрности этого умозаключенія мы не можемъ сомнѣваться, ибо такое сомнѣніе равнялось бы сомнѣнію въ своемъ разумѣ, а такое сомнѣніе вело бы къ сомнѣнію въ собственномъ бытіи и собственной дѣятельности, т. е., дало бы въ результатѣ нуль знанія!

Серебрякова. Скажите мнѣ, пожалуйста, что вы разумѣете подъ разумомъ, которому придаете такое важное значеніе?

Сократъ. Разумомъ я обозначаю особую дѣятельность нашей субстанціи, дѣятельность, посредствомъ которой мы соединяемъ и разъединяемъ элементы нашего сознанія, понимаемъ ихъ въ отдельности и въ связи или въ отношеніи, решаемъ вопросъ о бытіи и о небытіи и т. под. и такимъ образомъ достигаемъ познанія вещей въ ихъ дѣятельности и наконецъ въ ихъ общей взаимной связи, т. е., понимаемъ ихъ, какъ единый міръ.

Серебрякова. Да гдѣ же гарантія, что нашъ разумъ все это производить, какъ слѣдуетъ, и что мы тутъ ничего не выдумываемъ и не фантазируемъ?

Сократъ. Нигдѣ и никакой другой гарантіи нѣть, кромѣ какъ въ томъ же разумѣ и въ его дѣятельности, или мышленіи. Тотъ же разумъ, который дѣйствуетъ въ познаніи и наукахъ, обладаетъ и нормами для своей правильной познавательной дѣятельности, а также можетъ знать масштабы и границы своихъ силъ въ ней. Онъ же сознаетъ и методы своей дѣятельности и имѣетъ возможность отличить правильный методъ отъ ошибочнаго; словомъ, безъ разума и безъ мышленія мы не имѣли бы науки, хотя могли бы

имѣть вообще сознаніе и даже весьма темное и ограниченное знаніе, подобно животнымъ.

Серебрякова. Но, скажите, пожалуйста, какъ же мы, несмотря на этотъ разумъ, ошибаемся? Надѣюсь, вы признаете, что мы ошибаемся?

Сократъ. Конечно, признаю и думаю, что ошибки наши происходятъ отъ связи нашей мыслящей дѣятельности съ другими, ибо одна и также субстанція не только мыслить, но ощущаетъ, хочетъ и т. п. Связь мышленія съ этими функциями вліяетъ на правильность мысли. Кромѣ того, такъ какъ наша субстанція несовершенна, то и въ самомъ мышленіи есть несовершенства, состоящія въ его ограниченности, которая въ соединеніи съ первой причиной и даетъ въ результатѣ то, что мы называемъ заблужденіемъ.

Серебрякова. Эти объясненія меня далеко не удовлетворяютъ, но я боюсь какъ либо выпустить васъ, а потому попрошу Николая Ивановича возражать вамъ.

Сократъ. (Осклабляясь). Вы, Анна Михайловна, по видимому, намѣреваетесь устроить правильную облаву на меня, какъ на дикаго звѣра, но справедливость, а кромѣ того и интересъ самой охоты требуетъ, чтобы травимому звѣрю была предоставлена возможность борьбы и защиты. Такъ какъ присутствующіе здѣсь, вѣроятно, будутъ участвовать въ охотѣ за мною каждый за свой счетъ, то поэтому прежнее наше правило, по которому мужчины замѣняютъ дамъ, должно быть на этотъ разъ отмѣнено. Итакъ, Николай Ивановичъ нападетъ на меня за себя и отъ себя, когда придетъ его очередь. Теперь же я просилъ бы всѣхъ моихъ собесѣдниковъ уступить право первого нападенія на меня самому страшному для меня противнику, а именно: Ивану Антоновичу, какъ представителю научной философіи. Я же въ этомъ случаѣ выигрываю то, что буду имѣть болѣе шансовъ защититься отъ него, потому что нахожусь еще въ свѣжихъ силахъ и не утомленъ многими нападеніями.

Шугаевъ. (Строгимъ тономъ). Представитель научной философії будеть всегда говорить *одно и тоже*, что бытіе, реальность, существованіе и т. под. слова никакого особенного и опредѣленного значенія не имѣютъ, а потому употреблялись и употребляются въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ. Напр., у индусовъ въ „Ведахъ“ слово: быть, употреблялось въ смыслѣ дышать; часто бытіе употребляется въ смыслѣ жизни, и быть означаетъ жить. Да и нѣть вещи, къ которой бы мы въ какомъ нибудь отношеніи не прилагали словъ: быть, существовать. Такъ, напр., мы говоримъ, что наши мысли, чувства, даже фантазіи существуютъ. Тоже точно мы говоримъ о существованіи математическихъ объектовъ: точекъ, линій, окружностей, или же говоримъ, что существуютъ законы природы, законы государственные. Неужели же, по вашему, изъ этого слѣдуетъ, что все это субстанці? Значитъ чтобы решить вопросъ о бытіи или существованіи чего либо, надобно узнать, о чёмъ говорятъ и въ какомъ смыслѣ употребляютъ это слово говорящіе.

Сократъ. Мнѣ кажется, что предполагаемый вами способъ наскъ вовсе не приведетъ къ разрешенію вопроса о содержаніи понятія бытія и объ указаніи *критерія* для сужденія о томъ, что существуетъ и что не существуетъ. Я съ вами не спорю, что слово: быть, и въ древности, и теперь употребляется въ разныхъ значеніяхъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы понятіе бытія также колебалось въ своемъ содержаніи, какъ колеблется значение слова въ народномъ употребленіи языка. Изъ того, что въ различныя времена и теперь въ народномъ языке слова: тяжесть, тяжелый, употребляются въ различныхъ значеніяхъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ наукѣ, напр., въ физикѣ, термины: тяжесть, тяжелое тѣло, не имѣли строго опредѣленного значенія и употреблялись бы, какъ кому вздумается. Точно также изъ того, что термины: причина, слѣдствіе, причинное отношеніе, употреблялись и употребляются до сихъ поръ въ обыкновенномъ и даже въ научномъ языке въ различномъ смыслѣ, — изъ того вовсе не слѣдуетъ, чтобы логика или

теорія познання не старались определить точнымъ образомъ содер-
жаніе понятія причины и употреблять слово: причина, только въ
этомъ точно установленномъ смыслѣ. Помоему, если распространить
ваше отрицаніе потребности въ точномъ определеніи содер-
жанія понятія бытія на томъ основаніи, что въ языке слово: бы-
тие или существованіе, употребляется произвольно, если распространить
это отрицаніе, говорю я, на другія слова, которыя также
въ народномъ языке употребляются не точно или же фігуально,
то мы совсѣмъ не будемъ имѣть точнаго научнаго языка, а съ
нимъ вмѣстѣ потеряемъ и самую науку. Возьму для поясненія сво-
ей мысли одинъ яркій примѣръ. Несомнѣнно, что слово: „живѣть“,
въ языке употребляется относительномъ безжизненныхъ предметовъ;
такъ говорять: — „эта вещь“, (платье, посуда, и т. п.) у меня жила
десять лѣтъ, а у тебя и мѣсяца не выжила“. Слѣдуетъ ли изъ
этого, что эти вещи живутъ въ біологическомъ смыслѣ, или слѣ-
дуетъ-ли изъ этого, чтобы біология или фізіология не старались
точно определить понятіе жизни? Итакъ, по моему, наукѣ тѣмъ
болѣе слѣдуетъ поставить преграду произвольному и неопределенному
употребленію словъ: бытіе, существованіе, реальность, что
понятіе, обозначаемое ими, весьма важно въ наукахъ, называемой
філософіей, и ведеть ее къ распаденію на нѣсколько враждебныхъ
направленій. Но какъ скоро было бы строго определено это по-
нятіе, то нужно было бы тщательно наблюдать, во избѣженіе без-
полезнаго спора и путаницы, чтобы слова, обозначающія это по-
нятіе, никогда не употреблялись, по крайней мѣрѣ, въ научномъ
языкѣ въ произвольномъ и не собственномъ смыслѣ. Это значитъ,
что нужно стараться, напримѣръ, никогда не употреблять слово:
бытіе, тамъ, где оно употребляется въ смыслѣ жизни, дыханія и
т. п., а употреблять именно эти слова; слово же: бытіе, употреб-
лять только тамъ, где подразумѣвается то особое понятіе, которое
выражается этимъ словомъ.

Шугаевъ. Да я именно и не допускаю этого особаго понятія,
и такъ какъ никакого бытія не бѣть, то невозможно определить и

слово: бытие. Слово это совершенно пустое и не соответствует никакой реальности, а потому и употребляется во всевозможныхъ и разнообразныхъ значеніяхъ.

Сократъ. А я напротивъ не могу допустить, чтобы слово: бытие, было пустое слово. Да мнѣ кажется, что и вы этого на самомъ-то дѣлъ не допускаете, что можно заключить изъ самаго вашаго отрицанія. Такъ вы говорите, что бытие не соответствуетъ никакой реальности, значитъ, признаете какую то реальность и что-то ей соответствующее, но такъ какъ слово: реальность, есть синонимъ слова: бытие, то значитъ вы и сами признаете бытие или существование и нѣчто соответствующее ему.

Шугаевъ. Да для меня реальность есть тоже, что Юмъ называетъ впечатлѣніемъ.

Сократъ. Но, вѣдь, и для меня юмовы впечатлѣнія, т. е. ощущенія, хотя и не могутъ быть прямо названы реальностью или бытиемъ, но все таки принадлежать къ реальности. Реальность состоитъ не прямо изъ первоначальныхъ и простыхъ элементовъ сознанія, взятыхъ въ отдѣльности, но въ ихъ отношеніи другъ къ другу и въ ихъ единстве. Конечно, какъ я уже не разъ говорилъ, въ это единство входятъ не только юмовы впечатлѣнія, но и другіе элементы первоначального и простого сознанія, а именно: сознаніе о нашихъ дѣятельностяхъ и о нашей субстанціи или „я“. Произвольное и неопределѣленное употребленіе словъ: бытие, реальность и т. п., указываетъ вовсе не на то, что подъ ними не подразумѣвается какое нибудь особое понятіе, а на то, что это понятіе не ясно, сбивчиво, а потому и не сдерживаетъ насъ отъ произвольного и разнообразнаго употребленія слова: бытие, употребленія, къ которому и безъ того живой языкъ имѣть склонность. Но что это понятіе все таки, хотя и въ неясномъ видѣ, существуетъ, то доказывается всей исторіей философіи, въ которой все споры и разногласія именно происходятъ отъ различія въ содержаніи понятія бытия у разныхъ философскихъ школъ. Если бы не было разногласія въ существованіи субстанцій вообще и въ частности въ су-

ществованії духовныхъ или матеріальнихъ субстанцій, или же въ существованії высочайшей субстанції; далѣе, если бы не было разногласія въ числѣ субстанцій, то, вѣроятно, желанный миръ въ философії давно бы наступилъ. Но, конечно, разногласія не можетъ не быть, когда у однѣхъ школъ понятіе бытія несомнѣстимо съ бытіемъ духа, у другихъ понятіе бытія несомнѣстимо съ бытіемъ множества, у третьихъ понятіе бытія несомнѣстимо съ бытіемъ непрестанно-пребывающаго единства и тождества и напротивъ, по видимому, совмѣстимо съ понятіемъ непрестанного возникновенія и уничтоженія. Да мнѣ кажется, что и всѣ представители *вашего* направлениія, начиная съ знаменитаго Протагора и кончая моимъ уважаемымъ антагонистомъ, Иваномъ Антоновичемъ Шугаевымъ, разумѣютъ кое-что особое подъ словечкомъ: бытіе. Если же вы въ самомъ дѣлѣ ничего не разумѣете подъ словомъ: бытіе, или подъ другимъ словечкомъ: я, мы, то я еще разъ попрошу васъ въ серьезъ провести это мнѣніе и вместо словъ: быть, я, мы, употреблять дѣйствительно ничего не значущія слова, напр., *бигримби, брадабра*. По моему это было бы, такъ называемое въ логикѣ, argumentum ad oculos, или за то, что вы правы, т. е., что слова: я, мы, бытіе, ничего не значать, или за то, что я правъ и что, безъ этихъ словъ и безъ тозначаемыхъ ими понятій и далѣе самихъ вещей, не можетъ быть никакой философіи, никакого мнѣнія, даже никакого разговора.

Шугаевъ. Ваше предложеніе только потому неудобно, что мы такъ привыкли къ этимъ словамъ: я, мы, существовать и пр., что безъ нихъ трудно что либо сказать. Но я опять таки стою на томъ, что подобно тому, какъ бытіе есть пустое слово, неозначающее никакого понятія, такъ и ваше „я“ есть чистый метафизический фантомъ, которымъ обозначаются наши события или явленія въ насъ: ощущенія, образы, воспоминанія, идеи, намѣренія и т. д. Изъ нихъ то и состоитъ наше существо, или наше „я“, не имѣющее кромѣ ихъ никакихъ элементовъ. Положимъ, напр., что я сперва вѣщаю что нибудь, т. е. имѣю ощущеніе вкуса, потомъ страдаю,

чувствую боль въ ногѣ, потомъ вспоминаю слышанный концертъ. Во всѣхъ глаголахъ сказанныхъ мною сейчасъ суждений заключается глаголъ: *быть*, а всѣ эти суждения заключаютъ субъектъ „я“, связанный съ глаголомъ быть, посредствомъ причастія, означающаго атрибутъ, (я есмь вкушающій, я есмь страдающій, я есмь вспоминающій). Значить, въ каждомъ изъ этихъ суждений глаголомъ: быть, означается, что атрибутъ есть элементъ или, такъ сказать, фрагментъ субъекта, что онъ включенъ въ немъ, какъ часть въ цѣломъ. Въ этомъ и состоить весь смыслъ и значеніе глагола: быть, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другихъ. Или, иными словами, глаголъ: *быть*, означаетъ здѣсь, что ощущеніе вкуса, страданіе, воспоминаніе концерта суть элементы, фрагменты, составные части „я“. Значить, наши послѣдовательныя состоянія, или послѣдовательныя события въ насъ суть составные части нашего „я“, которое поочереднѣ сперва есть одно событие, напр., ощущеніе вкуса, потомъ другое событие, т. е., страданіе, потомъ третье событие, т. е., воспоминаніе концерта.

Сократъ. Извините, если я попрошу маленькаго объясненія. Сперва не могу не замѣтить, что прошлый разъ вы союзникомъ себѣ взяли Юма, а теперь, кажется, Тена, потому что, если не ошибаюсь, въ словахъ вашихъ какъ бы слышится Тень. Но Юмъ ли, Тень ли? это почти одно и тоже; только Юмъ откровеннѣе, послѣдовательнѣе, искреннѣе, а Тень болѣе хитрѣй и весьма тонко переходитъ изъ феноменизма въ материализмъ. А спросить то я васъ хотѣлъ вотъ о чёмъ: какъ же происходитъ это „я“? Значить, три события въ насъ въ отдѣльности не суть „я“, а вмѣстѣ, въ суммѣ они дѣлаютъ „я“, подобно тому, какъ 2, 3 и 5 не десять въ отдѣльности, а въ суммѣ 10. Такъ что-ли?

Шугаевъ. (Сердитымъ тономъ). Не знаю, къ чему вамъ доискаваться моихъ союзниковъ?! Не они, а я съ вами разговариваю. Конечно, „я“, о которомъ говорится въ нашихъ сужденіяхъ, вовсе не есть простой итогъ. Это я остается однимъ и непрерывнымъ, а мы, какъ наблюдатели, для удобства изученія, отдѣляемъ события

въ насъ одни отъ другихъ. На самомъ же дѣлѣ событія образуютъ непрерывную ткань, которую мы мысленно дѣлимъ на произвольные куски, подобно тому, какъ, для лучшаго изученія какой либо доски, мы можемъ раздѣлить ее мѣломъ на треугольники, квадраты и т. п. Значитъ, нельзя сказать, что „я“ само по себѣ есть серія своихъ¹⁾ событій или явлений, присоединенныхъ одно къ другому, потому что оно и раздѣлено—то на событія только ради наблюденія, а все таки, оно равняется этой серіи своихъ явлений. Отнимите ихъ и уже ничего больше не останется.

Сократъ. Чрезвычайно трудную и едва ли разрѣшимую задачу для меня составляетъ примирить и какъ либо соединить ваше „я“ съ вашими „мы“. По вашимъ словамъ и выраженіямъ, между ними лежитъ дѣлая пропасть, а по вашей теоріи, и „я“, и „мы“ должны быть однимъ и тѣмъ же. „Я“, вѣдь, по нашему метафизическому фантомъ, а потому и не можетъ самъ производить многихъ чудныхъ вещей, которые производятъ у васъ „мы“. Фантомъ, по смыслу этого термина, самъ себя не изъ чего не слагаетъ и ни на что не раздѣляеть; не принимаетъ чего либо другого за себя, т.е., не обманываетъ самъ себя. Фантомъ не заблуждается, но и не владѣетъ истиной; фантомъ не фантазируетъ и не мыслить. Словомъ, фантомъ не производить никакихъ дѣйствій, конечно, по той простой причинѣ, что фантомъ не существуетъ, а только кажется существующимъ, и притомъ кажется не фантому, т. е., не самому себѣ, а кому либо, кто существуетъ, кто дѣйствуетъ и можетъ дѣйствовать, кто слагаетъ и разъединяетъ, изъ отдѣльныхъ кусковъ слагаетъ ткань и, наоборотъ, непрерывную ткань раздѣляетъ на куски и дѣлаетъ это какъ на самомъ дѣлѣ, такъ и въ воображеніи, кто наконецъ можетъ ошибочно принять непрерывную ткань за сшитую изъ кусковъ и, наоборотъ, сшитую изъ кусковъ за непрерывную.

¹⁾ Здесь Шугаевъ, вѣроятно, переводящій съ французскаго („la sÃ©rie de ses évènements“), ради возможно точнѣйшаго выраженія дѣлаетъ галлицизмъ.—Примѣч. автора.

„Далъе, этотъ не фантомъ, а кто либо существующий можетъ ошибаться, заблуждаться, а также и поправлять сдѣланныя ошибки; наконецъ этотъ кто-либо можетъ неразумно фантазировать и разумно, правильно мыслить. Однимъ словомъ, фантомъ можетъ показаться не фантомомъ, но никакъ не себѣ, или другому фантому, а только „намъ“, действительно существующимъ. Такъ, напр., въ фантомѣ лѣшаго есть нѣкоторые элементы, которые не суть фантомъ, а действительность, какъ, напр., крикъ филина, трескъ сухихъ вѣтвей, ломающихся отъ вѣтра, какой нибудь прихотливой формы ель, или другое дерево, которое простой, суевѣрный человѣкъ можетъ принять за огромное живое существо и т. п. Но всѣ эти элементы не слагаютъ сами себя въ лѣшаго и ничего не знаютъ о томъ, что существо способное слышать, видѣть, чувствовать, мыслить, въ страхѣ, подъ вліяніемъ возбужденной фантазии, должно относитъ одинъ къ другому всѣ эти отдѣльные элементы, т. е., слышанный крикъ филина, видѣнную елку или другое дерево, трескъ вѣтвей и гуль вѣтра и такимъ образомъ слагаетъ страшный для него фантомъ лѣшаго.

Шугаевъ. Я никакъ не вижу цѣли, для которой вы говорили все это.

Сократъ. Цѣль, по моему, ясна. Во первыхъ, я напоминаю вамъ, что „мы“ тоже, что и „я“, т. е., по вашей теоріи, фантомъ. Мнѣ кажется, что вы постоянно обѣ этомъ забываете, когда говорите: „мы“. Во вторыхъ, мнѣ хотѣлось вамъ напомнить, что въ названіи чего нибудь фантомомъ нѣтъ смысла, если мы тѣмъ самымъ не противополагаемъ это название не фантому, а чему либо действительно существующему. Значить, когда вы употребляете терминъ: фантомъ, то тѣмъ самымъ вы доказываете, что слово: бытіе, существованіе и для васть имѣеть опредѣленное значеніе, т. е., что вы подъ этими словами подразумѣваете нѣчто противоположное фантому, призраку, т. е., небытію, кажущемуся бытіемъ. Въ третьихъ я хотѣль напомнить вамъ, что всякий призракъ или фантомъ имѣеть въ основѣ своей какъ либо существующее. Зна-

читъ, и тотъ фантомъ, который называется „я“, имѣть въ основѣ своей какіе либо элементы существующаго, и я хотѣлъ попросить васъ обстоятельно указать эти элементы, а потомъ указать, какъ изъ этихъ реальныхъ элементовъ образуется фантомъ, о которомъ мы говоримъ „я“. Конечно, при этомъ объясненіи я энергически буду препятствовать вамъ ввести тихомолкомъ этотъ фантомъ уже готовымъ въ формѣ словечка: „мы“. Такъ, напримѣръ, когда вы говорили, что „я“ есть метафизический фантомъ, которымъ мы обозначаемъ наши события или явленія въ насъ, то я никакъ не могу допустить этого выраженія, ибо оно заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Здѣсь вы называете фантомомъ нѣчто такое, безъ чего невозможно опредѣлить или обозначить нѣкоторую группу событий или явленій и отличить ее отъ всевозможныхъ другихъ событий или явленій и дѣлаете это именно посредствомъ словъ: „наши“, „въ насъ“, и т. п. Это все равно, какъ я бы сказалъ: „я считаю за ничто стаканъ, въ которомъ находится это вино“. Очевидно, что стаканъ вовсе не ничто, онъ есть вмѣстилище вина, которое этимъ вмѣстилищемъ отличается отъ всякаго другаго такого-же вина. Хотя, конечно, „я“ есть вмѣстилище въfigуральномъ смыслѣ, но тѣмъ не менѣе событий, для которыхъ оно служитъ вмѣстилищемъ, или, точнѣе, которыя относятся къ нему, какъ акциденціи къ субстанції, посредствомъ этого отношенія становятся индивидуальными, специальнѣ этими и тѣмъ отличаются отъ всѣхъ другихъ событий, существующихъ и могущихъ существовать. Понятно, что это опредѣляющее и отличающее ихъ „я“, ни подъ какимъ видомъ, не можетъ быть пустымъ фантомомъ или ничто. Далѣе когда вы указываете на серію нашихъ послѣдовательныхъ состояній, говоря, что они суть составныя части нашего „я“, которое поочередно есть каждое изъ этихъ событий (я вкушаю, я страдаю, я вспоминаю), то я опять таки вижу во всемъ этомъ противорѣчіе и не могу допустить, чтобы фантомъ былъ поочередно каждымъ изъ этихъ событий или нашихъ послѣдовательныхъ состояній. Опять таки не могу допустить потому, что состоянія вкушения, страданія, воспоп-

минанія, при посредствѣ этого „я“, индивидуализируются и дѣйст-
вительно отличаются отъ всевозможныхъ другихъ состояній и отъ
всевозможныхъ другихъ вкушений, страданій, воспоминаній. Этого
я не могу допустить точно также, какъ не могу считать за *ничто*
стаканъ, который послѣдовательно есть стаканъ вина, стаканъ воды,
стаканъ чаю. Стаканъ есть такая-же дѣйствительность, какъ дѣй-
ствительны занимающія его чай, вода и вино. Какъ въ мірѣ мате-
ріальномъ не мыслимы жидкости безъ какихъ либо вмѣстилищъ,
такъ въ мірѣ психическомъ психическая состоянія или событія не
мыслимы сами по себѣ, безъ субстанцій, къ которымъ эти событія
относятся, какъ акциденціи. Вотъ *такимъ-то образомъ* я останавли-
валъ бы васъ на каждомъ изъ вашихъ словечекъ: „мы“, „насъ“,
„въ насъ“ и т. п., которая всѣ вмѣстѣ и каждое порознь суть
ничто иное, какъ retiitio principiis; и я готовъ провести съ вами
хоть пять дней къ ряду, требуя отъ васъ *настоящихъ, а не мни-
мыхъ объясненій* объ образованіи фантома нашего „я“.

Шугаевъ (сухо). Къ сожалѣнію, не только пять дней, но и
сейчасъ я не могу продолжать моего спора съ вами, ибо (смотря
на часы) вотъ уже одиннадцать часовъ, а я и прошлый разъ почти
всю ночь прострадалъ отъ того, что засидѣлся за полночь. Что же
касается до образованія иллюзіи нашего „я“, то читайте Юма или
Милля и другихъ представителей научной философіи и у нихъ
найдете полное объясненіе.

Сократъ Читалъ я и Юма, и Тена;

Читалъ я и Милля, и Бена;
но находилъ не объясненіе, а все тѣхъ же „мы“, „насъ“, „въ
насъ“, словомъ, одинъ и тотъ же *софизмъ*, на которой я вамъ и
указываю.

Но Шугаевъ уже не отвѣчалъ, а началъ прощаться съ хозя-
иномъ, съ Сократомъ и другими гостями.

Когда ушелъ Шугаевъ, я хотѣлъ было обратиться къ Сократу
съ своими вопросами, но онъ остановилъ меня, говоря, что теперь
онъ имѣеть право и промочить горло при наслажденіи сознані-

емъ, что счастливо остался цѣлъ послѣ опасностей, которыми угрожала ему научная философія.

И взявъ одну изъ стоявшихъ на столѣ бутылокъ, онъ налилъ себѣ стаканъ вина, медленно выпилъ его и сказалъ: „извините Платонъ Михайловичъ, что я, подкрѣпившись, сперва попытаюсь выдержать нападеніе представителя *точной науки*, надѣясь, что вы, какъ свой братъ, метафизикъ, будете помягче и поблагодушнѣе нападать на меня, когда я ослабну и устану. И такъ, Николай Ивановичъ“, сказалъ онъ обращаясь къ Красоткину, „теперь ваша очередь возражать на мое опредѣленіе понятія бытія“.

Красоткинъ. У меня съ вами будетъ разговоръ, надѣюсь, не длинный, потому что я буду стоять на фактахъ, признанныхъ наукой, а въ діалектическія тонкости не пущусь. Если вы согласны, что наше „я“ есть наше тѣло, то и я готовъ подпісаться подъ вашимъ утвержденіемъ, что мы свое „я“ или свою субстанцію знаемъ непосредственно, ибо мы свое тѣло можемъ каждую минуту видѣть, осознать, даже обонять, словомъ, познавать всѣми нашими чувствами. Но если вы думаете, что „я“ есть какой-то неосознаемый и невидимый духъ, не находящійся въ пространствѣ, то я такого „я“ не могу признать, ибо тогда для меня не существовало бы никакой науки, никакого знанія, а оставалось бы только дикое суевіє, время котораго, слава Богу, давно миновало. Все же то, что вы говорите о мысляхъ, желаніяхъ и чувствахъ, какъ проявленіяхъ этого духа, далѣе что вы говорите о несравнности и полной разнородности матеріальныхъ процессовъ съ этими явленіями, наконецъ что вы говорите о несуществованіи пространства или о томъ, что наши мысли или чувства не находятся въ пространствѣ, я считаю за пустыя діалектическія ухищренія, на которыхъ точная наука давно уже не обращаетъ вниманія. Впрочемъ, не только наукѣ, но и всякому, кажется, достаточно извѣстенъ фактъ, что, пока мы живы, до тѣхъ поръ и существуетъ наше „я“, а когда умираемъ, т. е., когда наше тѣло начнетъ разлагаться, и „я“ исчезаетъ.

Сократъ. Мудрено мнѣ разсуждать съ вами, Николай Ивановичъ, когда вы не опровергаете моихъ доказательствъ, а просто устраиваете ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они не принадлежать къ какой-то и кѣмъ-то патентованной точной науки! Однако еще попробую указать вамъ, что наше тѣло и наше „я“ двѣ вещи разныя. Помните, что когда вы въ первый разъ были у меня, то вы сами соглашались¹⁾, что субстанціи, т. е., по вашему, материальные атомы, не подлежатъ вицѣннимъ чувствамъ, но тѣло наше, какъ вы сейчасъ говорите, подлежитъ имъ. Значить, и по вашему, выходитъ, что тѣло наше не есть наше „я“, что „я“, если оно субстанція, должно быть атомомъ. Конечно, можетъ быть, вы думаете что „я“ вовсе не субстанція, потому что тѣло ни въ какомъ случаѣ субстанціей быть не можетъ, ибо тѣло, какъ материальный агрегатъ, дѣлимо и можетъ разлагаться на свои составныя части. Субстанціи же, а также и „я“, не дѣлимы и не могутъ разлагаться или распадаться на части. Надѣюсь, что и вы напали бы страннымъ разговоръ о половинѣ или четверти „я“, о его верхней или нижней части и т. п., между тѣмъ какъ половину тѣла при случае можно демонстрировать ad oculos. Далѣе требуетъ объясненія тотъ фактъ, что мы, хотя и не всегда, но выражаемся такъ, что тѣло со всѣми его частями считаемъ принадлежностью „я“, напримѣръ, въ словахъ: „мое тѣло“, „наше тѣло“. Съ другой-же стороны мы никогда не выражаемся такъ, что „я“ есть принадлежность тѣла. Конечно, языкъ и употребленіе въ немъ словъ не можетъ служить для философіи основаніемъ для образованія понятій, однако и они могутъ давать для того нѣкоторое руководство, потому что какъ языкъ, такъ и философія суть созданія одного и того же разума. Разница только въ томъ, что въ языке разумъ дѣйствуетъ съ меньшою степенью сознанія, а въ философіи съ наибольшою.—Такъ какъ-же, по вашему, „я“, отождествляемое вами съ тѣломъ, есть субстанція или не субстанція?

¹⁾ См. „Первую бесѣду съ Сократомъ“ въ 1-мъ № „Своего Слова“. Примѣчаніе редактора.

Красоткинъ. Конечно, „я“ не есть субстанція; „я“ есть только мысль, т. е., продуктъ движеньї частей тѣла, а въ особенности мозга. Субстанціями, какъ я уже сказалъ прежде, могутъ быть только атомы.

Сократъ. Но тѣло-то, тѣло? Оно субстанція или не субстанція?

Красоткинъ. Тѣло не субстанція, но состоитъ изъ субстанцій.

Сократъ. Ну хорошо! Позвольте и еще предложить вопросъ: тѣло наше реально, т. е., дѣйствительно существуетъ, или нѣть?

Красоткинъ. Конечно, тѣло дѣйствительно существуетъ.

Сократъ. Значить, и „я“ точно также дѣйствительно существуетъ, какъ и тѣло.

Красоткинъ. Ну, „я“ существуетъ не такъ, какъ тѣло; „я“, какъ всякая мысль, производится движеніями тѣла.

Сократъ. Значить „я“ уже не есть тѣло, какъ вы о томъ давеча говорили. Теперь тѣло у васъ есть причина, а „я“ слѣдствіе, продуктъ тѣла. Вѣдь, такъ выходитъ? Или говорятъ сравненіемъ: тѣло есть горшечникъ, а „я“ есть горшокъ. Существованіе горшка вполнѣ зависитъ отъ горшечника, а существованіе горшечника никакъ не зависитъ отъ существованія горшка. Такъ, что ли?

Красоткинъ. Э! какъ я вижу, опять пошла діалектика; опять „я“ и „не я“ и т. под. философская шелуха! Я уже сказалъ, что я не стану затрудняться своего мозга. Скажите мнѣ лучше вы, если, по вашему, „я“ есть субстанція и нѣчто реальное, куда оно дѣвается послѣ смерти, когда тѣло начнетъ разлагаться?

Сократъ. Да оно никуда не дѣвается! Оно, вѣдь, не было въ тѣлѣ, когда тѣло было живымъ, оно никуда и не дѣвалось, когда тѣло стало мертвымъ. Я уже не разъ говорилъ, что я не находится въ пространствѣ, не имѣетъ мяста, слѣдовательно, въ своемъ существованіи не зависитъ отъ тѣла, которое одно только подчинено пространству. Но такъ какъ пространство со всѣмъ, находящимся въ немъ, есть актъ мысли этого я, то тѣло, которое также есть представленіе этого я, вполнѣ зависитъ въ своемъ пространственномъ помѣщеніи отъ дѣятельности „я“.

Красоткинъ. Но скажите, пожалуйста, какъ же это ваше „я“ не есть тѣло и не зависитъ отъ тѣла, когда оно и начаться можетъ только тогда, когда началось, т. е., когда родилось тѣло, и кончается тогда, когда умираеть, т. е., разлагается тѣло?

Сократъ. „Я“ не начинается съ рожденiemъ тѣла и не уничтожается съ его смертью по той простой причинѣ, что „я“, не существуя въ тѣлѣ и занимаемомъ имъ пространствѣ, не существуетъ также и въ то время, въ которое продолжается тѣло. Когда мы будемъ вести рѣчь о происхожденіи идей времени и пространства, то увидимъ, что и время также, какъ и пространство, полагается актомъ мысли и представлениія нашей духовной субстанції, т. е., этого самаго „я“. Отсюда слѣдуетъ, что это „я“ не зависитъ отъ времени и не находится въ немъ, ибо *полагать время и размѣщать въ немъ* различныя явленія, какъ это дѣлаемъ „мы“, можетъ только существо, по своей природѣ, не зависящее отъ времени. И такъ, не находясь во времени, мы включаемъ во время только нѣкоторый отрывокъ изъ своей дѣятельности,—отрывокъ, называемый нами нашою жизнью, при чёмъ весьма важную роль какъ въ выдѣленіи и распорядкѣ этого отрывка, такъ и въ образованіи самой идеи времени играетъ та наша дѣятельность, которую мы называемъ памятью. Все это я надѣюсь, по мѣрѣ силъ, выяснить въ слѣдующихъ нашихъ бесѣдахъ.

Красоткинъ. Извините, хотя я и охотно обѣ этомъ послушаю, но признаюсь, все это мнѣ кажется какимъ-то бредомъ или болѣзней фантазіей. (Обращаясь ко мнѣ). Такъ какъ точная наука не имѣеть никакого дѣла съ бытіемъ, независящимъ отъ пространства и времени, то я предлагаю вести бесѣду обѣ этомъ предметѣ вамъ, Платонъ Михайловичъ.

Я. Мнѣ, какъ послѣдователю Шопенгауера, тоже кажется сомнительнымъ утвержденіе Сократа Ивановича, что „я“ принадлежитъ къ первоначальнымъ элементамъ сознанія и что оно непосредственно познается. Шопенгауеръ утверждаетъ, что „я“, какъ субъектъ познанія, не можетъ быть никогда представленіемъ или объектомъ,

Красоткинъ. Но скажите, пожалуйста, какъ же это ваше „я“ не есть тѣло и не зависить отъ тѣла, когда оно и начаться можетъ только тогда, когда началось, т. е., когда родилось тѣло, и кончается тогда, когда умираетъ, т. е., разлагается тѣло?

Сократъ. „Я“ не начинается съ рожденіемъ тѣла и не уничтожается съ его смертью по той простой причинѣ, что „я“, не существуя въ тѣлѣ и занимаемомъ имъ пространствѣ, не существуетъ также и въ то время, въ которое продолжается тѣло. Когда мы будемъ вести рѣчь о происхожденіи идей времени и пространства, то увидимъ, что и время также, какъ и пространство, полагается актомъ мысли и представлениія нашей духовной субстанції, т. е., этого самаго „я“. Отсюда слѣдуетъ, что это „я“ не зависитъ отъ времени и не находится въ немъ, ибо *полагать время и размѣщать въ немъ* различные явленія, какъ это дѣлаемъ „мы“, можетъ только существо, по своей природѣ, не зависящее отъ времени. И такъ, не находясь во времени, мы включаемъ во время только нѣкоторыя отрывки изъ своей дѣятельности,—отрывки, называемыя нами нашою жизнью, при чёмъ весьма важную роль какъ въ выдѣленіи и распорядкѣ этого отрывка, такъ и въ образованіи самой идеи времени играетъ та наша дѣятельность, которую мы называемъ памятью. Все это я надѣюсь, по мѣрѣ силъ, выяснить въ слѣдующихъ нашихъ бесѣдахъ.

Красоткинъ. Извините, хотя я и охотно обѣ этомъ послушаю, но признаюсь, все это мнѣ кажется какимъ-то бредомъ или болѣзней фантазіей. (Обращаясь ко мнѣ). Такъ какъ точная наука не имѣеть никакого дѣла съ бытіемъ, независящимъ отъ пространства и времени, то я предлагаю вести бесѣду обѣ этомъ предметѣ вамъ, Платонъ Михайловичъ.

Я. Мнѣ, какъ послѣдователю Шопенгауера, тоже кажется сомнительнымъ утвержденіе Сократа Ивановича, что „я“ принадлежитъ къ первоначальнымъ элементамъ сознанія и что оно непосредственно познается. Шопенгауеръ утверждаетъ, что „я“, какъ субъектъ познанія, не можетъ быть никогда представленіемъ или объектомъ,

т. е., познаваемымъ, потому что онъ, какъ необходимый *коррелянтъ* всѣхъ представлений, есть ихъ условіе. Или иначе говоря, по Шопенгауеру, „познаніе познанія не можетъ состояться, потому что для этого нужно, чтобы субъектъ отдался отъ познанія и познавалъ это познаніе, что невозможно“.

Сократъ. Но однако мы не только познаемъ что либо, но и знаемъ объ этомъ своемъ познаніи, значить, невозможное, по Шопенгауеру, „познаніе познанія“ какъ либо осуществляется на дѣлѣ.

Я. Но это возраженіе Шопенгауеръ предвидѣлъ и въ свою очередь опровергаетъ его слѣдующимъ образомъ. По его мнѣнію, „знаніе о моемъ познаніи различается только словеснымъ выражениемъ. Сказать: я знаю, что я познаю, все равно, что сказать: я познаю, а это все равно, что сказать просто: я. Если, „аргументируетъ Шопенгауеръ“, чье либо познаніе не есть одно и то же съ него же знаніемъ объ этомъ познаніи, но различны, то пусть онъ попробуетъ и то, и другое въ отдѣльности: разъ—познавать безъ знанія о томъ, а другой—знатъ о познаніи, но такъ, чтобы это знаніе не было въ то же время познаніемъ. Конечно, продолжаетъ онъ, можно отвлечься отъ всякаго особеннаго познанія и прйти къ положенію: я познаю, которое составляетъ послѣднюю возможную абстракцію. Но это положеніе тождественно съ положеніемъ: для меня есть объекты, которое, въ свою очередь, тождественно съ сужденіемъ: я есмь субъектъ, что равняется: просто я“.

Сократъ. Но мнѣ кажется, что въ приведенныхъ вами словахъ Шопенгауеръ не опровергъ, а напротивъ призналъ мое возраженіе, въ сущности представляющее ссылку на опытъ, т. е., что мы не только познаемъ, но и знаемъ о познаніи, или что мы, какъ познающіе, можемъ служить для себя объектомъ познанія. Далѣе, если Шопенгауеръ въ приведенныхъ вами словахъ хочетъ просто сказать, что познаніе имѣющее себя своимъ объектомъ, тождественно съ этимъ объектомъ и что, стѣдовательно, познаніе насы самихъ, по понятію своему, не можетъ быть тѣмъ же, что мы разумѣемъ подъ познаніемъ вѣнчанихъ вещей, то это совершенно вѣрно.

Но въ этомъ отношеніи можно пойти и далѣе Шопенгауера и смѣло утверждать, что вообще нѣтъ иного познанія, какъ самого себя, такъ что *въ познаніи субъектъ съ своимъ объектомъ всегда одно и то же.....*

Я. Извините, что я перерву васъ! Значитъ, субъектъ не различенъ отъ объекта!? Значитъ они не корреляты!? Да, неужели нѣтъ ничего виѣшняго для познающаго? Положимъ, что нѣтъ материального міра, но, вѣдь, вы не отрицаете же другихъ духовныхъ субстанцій, которыхъ не тождественны съ нами и которыхъ, говоря figurально, виѣшни по отношению къ намъ?

Сократъ. На всѣ эти вопросы я отвѣчу, продолжая начатую мною рѣчъ. Тождественность субъекта съ объектомъ въ познаніи зависитъ отъ того, что на всѣхъ ступеняхъ и во всѣхъ формахъ познанія, а именно: въ ощущеніи, представлениіи, созерцаніи, мышленіи и проч. *объектъ есть всегда ничто иное, какъ опредѣленное состояніе субъекта;* такъ объектъ зреінія — свѣтъ и цвѣта, обонянія — запахи, объектъ слуха — звуки и т. д. суть ничто иное, какъ состоянія субъекта. Ни цвѣта, ни запахи, ни звуки нигдѣ и никакъ не существуютъ, кромѣ какъ въ видѣніи, слышаніи, обоняніи субъекта. Точно также и мысль, положимъ: понятіе млекопитающаго, или представлениѳ этого стола, не существуетъ помимо и виѣ акта представлениія и акта мышленія нашей субстанціи. Познающая дѣятельность нашей субстанціи и само познаніе, т. е., содержаніе, объектъ этой дѣятельности, суть одно и то же и если распадаются на субъектъ и объектъ, то только на основаніи различныхъ сторонъ этого одного и того-же, допускающихъ смотрѣть на это одно и то же съ двухъ различныхъ точекъ зреінія. Смотрю я на видѣніе съ точки зреінія дѣятельности, то оно есть субъектъ; смотрю я на него съ точки зреінія содержанія, то оно есть объектъ, напримѣръ, ощущаемый цвѣтъ. Имѣю я въ виду обѣ стороны вмѣстѣ, или смотрю на познаніе, какъ на атрибутъ субстанціи, то оно можетъ быть выражено терминомъ: *субъектъ—объектъ.* Конечно, субъектъ и объектъ суть коррелятивныя понятія, подобно

понятіямъ господина и раба, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они имѣли особыя и независимыя существованія, подобно тѣмъ субстанціямъ, которыя, напр., входятъ въ отношенія господина и раба. Субъектъ и объектъ вовсе не существуютъ помимо того отношенія, которое они имѣютъ въ познаніи.

„Здѣсь позвольте мнѣ сказать о весьма распространенномъ заблужденіи, которое сильно поддерживается употребленіемъ въ языкъ. Отрывая въ мысли объектъ отъ дѣятельности, мы субстанцируемъ этотъ объектъ, какъ нѣчто о себѣ сущее, и говоримъ въ этомъ смыслѣ и цвѣтахъ, звукахъ, гладкости, шероховатости, холодѣ и теплѣ и т. под.; даже, не будь это сказано во гнѣвѣ Николаю Ивановичу, отождествляемъ цвѣта, свѣтъ, теплоту съ гипотетическими колебаніями эфира, а кислоту, сладость и соленость съ гипотетическими колебаніями матеріальныхъ молекулъ или атомовъ. Наконецъ даже боль въ рукахъ, въ ногахъ, въ пальцахъ, боль зубную мы отождествляемъ съ опухолью, нагноеніемъ, гніеніемъ, воспаленіемъ, и др. процессами и явленіями, совершающимися въ названныхъ органахъ, какъ будто зубную боль, напр., можно видѣть или пощупать, какъ мы видимъ или ощупываемъ гнилой и больной зубъ. Есть люди, и довольно образованные, которыхъ никакъ не убѣдишь, что въ книгахъ нѣть мыслей, напр., Шиллера, Гёте, Канта, и т. под., что книга есть ничто иное, какъ бумага съ напечатанными на ней каракульками, и что мысли Канта или Шиллера знакомы каждому только какъ его мысли, которыя онъ мысленно приписываетъ Канту или Шиллеру и иногда, вслѣдствіе своего ложнаго пониманія, навязываетъ Канту или Шиллеру такой сумбуръ, который имъ и во снѣ не грезился. Въ связи и согласіи со всемъ сейчасть мною сказаннымъ я утверждаю, что даже и тогда, когда объектомъ нашего познанія служить дѣятельно виѣ настѣ существующія субстанціи, даже и тогда мы никогда не можемъ познавать ихъ непосредственно, а всегда познаемъ самихъ же себя, т. е., наши собственные мысли и представлениа объ этихъ субстанціяхъ.—Итакъ, познаваемый объектъ, и познающій субъектъ

суть всегда одно и тоже; различаем же мы ихъ въ нашей мысли и ставимъ ихъ, какъ нѣчто особое по отношенію другъ къ другу, также нашею мыслю".

„Возвращаясь опять къ Шопенгауеру, я скажу, что, если, говоря о невозможности, „чтобы субъектъ одинъ разъ познавалъ, не зная о своемъ познаніи, а другой разъ зналъ о познаніи, но такъ чтобы это знаніе не было вмѣстъ съ тѣмъ и познаніемъ“, онъ хочетъ сказать, что оба акта совпадаютъ, т. е., что знаніе о познаніи осуществляется въ то же время, въ которое что либо и познается, то я вообще могу съ этимъ согласиться, за исключениемъ тѣхъ случаевъ, когда самосознаніе какъ бы отсутствуетъ или является въ чрезвычайно смутной и не ясной формѣ, напр., въ сновидѣніяхъ. Во всякомъ случаѣ, по моему, Шопенгауеръ этими словами *самъ признаетъ*, что у насъ есть *сознаніе о своемъ „я“* и объ его дѣятельности и именно о его познавательной дѣятельности, но только что оба акта сознанія сливаются и происходятъ одновременно.

Я. Но какъ же съ этими вашими словами помирить то мнѣніе Шопенгауера, по которому онъ признаетъ, „что мы можемъ познавать себя, только какъ субъектъ воли, но не можемъ познавать себя, какъ субъектъ познанія, и что, хотя и тотъ, и другой субъектъ *необходимо* включаются въ понятіе объ „я“, но что это совпаденіе совершенно необъяснимо“. „Намъ, говоритъ Шопенгауеръ, понятны только отношения объектовъ, а въ нихъ два могутъ быть однимъ только въ такомъ случаѣ, когда они суть части одного цѣлаго. По отношенію же къ субъекту законъ познанія объектовъ не имѣть силы; а потому дѣйствительное тождество познающаго съ тѣмъ, что познано, какъ хотяще, следовательно, субъекта съ объектомъ, дано *намъ непосредственно*. Но кто подумаетъ надлежащимъ образомъ о непостижимости этого тождества, тотъ „говоритъ Шопенгауеръ, „назоветъ его, вмѣстѣ со мною, чудомъ по преимуществу“¹⁾.

¹⁾ Приведенные здесь и раньше слова Шопенгауера взяты изъ его

Сократъ. Вашу задачу—примириТЬ слова Шопенгауера съ моими—я считаю невыполнимою прежде всего потому, что нѣть возможности примирить слова Шопенгауера съ его же собственными словами. Называя тождество субъекта хотѣнія съ субъектомъ познанія чудомъ по преимуществу, Шопенгауеръ, по моему, прикрываетъ красивой фразой противорѣчіе съ самимъ собою. По Шопенгауеру, воля есть вѣць сама въ себѣ или сущность міра, вѣчная, самосущая, неразрушимая и т. д., а познающій интеллектикъ есть, по его учению, не болѣе, какъ „функция мозга“, который, въ свою очередь, есть часть организма и зависитъ отъ него; организмъ же есть созданіе воли. Значитъ, интеллектикъ есть, по выражению самого Шопенгауера, нѣчто третичное по отношенію къ волѣ и этотъ то эффеクトъ эффеクта или продуктъ продукта оказывается у Шопенгауера тождественнымъ съ своей причиною и съ своимъ творцомъ.—Конечно, это совершенно невозможно, потому что, если въ „я“ субъектъ хотящій совпадаетъ съ субъектомъ познающимъ, то не иначе, какъ въ силу того, что и хотѣніе, и познаніе, и ощущеніе, и чувствованіе суть одинаково дѣятельности одной и той же субстанціи, которая называется словечкомъ: „я“. Но однако, въ приведенныхъ вами словахъ Шопенгауера есть нѣчто вѣрное, подъ чѣмъ и я подпишусь и за что ухвачусь, какъ за подкрайненіе моей мысли, а именно: что это „я“ (по Шопенгауеру, какъ субъектъ хотящій, а по моему, какъ субъектъ вообще) „дано непосредственно“ мнѣ же (по Шопенгауеру, какой-то „функции мозга“, а по моему,—тому же самому субъекту, дѣйствующему и въ хотѣніи, и въ познанії). Впрочемъ, я думаю, на ученіи Шопенгауера о непостижимости тождества субъекта хотящаго и познающаго отразилось вліяніе Канта, также находившаго необъяснимымъ тождество субъекта мыслящаго и созерцающаго во времени и пространствѣ, но изслѣдованіе этого предмета отвлекло

сочиненія: „Über die vierfache Wurzel et caet“ § 41 и слѣд. Примѣчаніе редактора

бы нась далеко въ сторону и при томъ безъ всякой пользы для поднятаго вами вопроса¹⁾.

Я. Оставляя за собой право, обдумавши все сказанное сейчас Сократомъ Ивановичемъ, еще разъ возвратиться къ этому предмету, я пока считаю себя удовлетвореннымъ его объясненiemъ на счетъ Шопенгауера и уступаю мѣсто для нападенія на него другимъ. (Обращаясь къ Калганову). Нѣтъ-ли у васъ, Петръ Фомичъ, чего либо противъ него?

Калгановъ. Мне такъ хочется подловить его, что я сдѣлаю свое возраженіе, когда онъ сильно размякнетъ послѣ выпивки, а теперь (обращаясь къ Синайскому), не угодно ли будетъ вамъ, Петръ Семеновичъ, принять звѣря на свою рогатину, которая, какъ мнѣ кажется, у васъ уже готова.

Синайскій. (Обращаясь къ Сократу). Во время изложенія вами понятія бытія мнѣ постоянно казалось, что въ вашей постановкѣ этого понятія есть большое сходство съ постановкою всей философіи Декарта. Декартъ, если я не ошибаюсь, развиваетъ всю свою систему изъ трехъ положеній. Главное и основное положеніе: „я существую“; второе—на немъ основанное и изъ него вытекающее—„Богъ существуетъ“ и третье—основанное на второмъ и изъ него вытекающее—„міръ существуетъ“. Вся остальная философія Декарта есть только раскрытие этихъ трехъ положеній. У васъ же самое важнѣйшее философское понятіе, т. е., понятіе бытія и критерій философской истины стоять и вытекаетъ изъ понятія объ „я“. Ваше понятіе бытія, мнѣ кажется, можетъ быть выражено такимъ образомъ: существуетъ все то, что сходно съ „я“, или что можетъ быть понимаемо, какъ „я“, и въ сущности все познаніе у васъ сводится къ познанію „я“. Весь міръ познается у васъ въ „я“,

¹⁾ Здѣсь позволю себѣ указать читателю на критическія замѣчанія къ учению Канта объ „я“, или субъектѣ познающемъ, мыслящемъ, созерцающемъ и т. под., сдѣланныя мною въ сочиненіи: „Генезисъ“ и пр. Глава 7-я и 8-я. Примѣчаніе редактора.

такъ что, мнѣ кажется, ваша теорія познанія всего ближе подходитъ къ принципу (улыбаясь) аѳинскаго Сократа: „познай самого себя“. Точно также и философія Декарта начинаетъ съ самопознанія и съ признанія собственного бытія. Если я не ошибаюсь въ высказанномъ мною сходствѣ, то мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы сами подтвердили его и, если это васъ не утомить, опредѣленно обозначили сходство и различіе исходныхъ пунктовъ системы Декарта и вашихъ философскихъ воззрѣній.

Сократъ. Во первыхъ, совершенно согласенъ съ вашимъ взглядомъ на движение мысли Декарта въ основоположеніи его системы, а во вторыхъ долженъ поблагодарить васъ за нѣрное выражение моего понятія бытія, а теперь постараюсь дать желаемыя вами объясненія. Намъ, конечно, невозможно вдаваться въ подробнѣе изложеніе обширныхъ и разнообразныхъ споровъ, происходившихъ у Декарта и его современниковъ, по поводу знаменитаго положенія: „я мыслю, слѣдовательно, существую“, но, по моему, изъ этихъ споровъ несомнѣнно слѣдуетъ, какъ я уже говорилъ раньше, что у Декарта не было яснаго и отчетливаго понятія бытія. Еслиъ оно у него было, то навѣрно Декартъ не далъ бы своему положенію: „я существую“, которое должно было быть, по его мнѣнію, не доступно ни малѣйшему сомнѣнію и которое должно было лежать въ основу всей его философской системы, не далъ бы, говорю я, форму заключенія энтилемы¹⁾, которой пропущенная большая посылка, т. е., всѣ мыслящіе существуютъ, могла казаться сомнительною, „предразсудкомъ“, по выражению его противника, и во всякомъ случаѣ не была доказана самимъ Декартомъ. Даѣше если бы Декартъ приступилъ къ доказательству этой посылки, то ему сейчасъ же было бы ясно, что „я существую“ не могло быть выводимо изъ мысли о существованіи всѣхъ мыслящихъ, а что на-

¹⁾ Такъ называется силлогизмомъ, въ которомъ не высказана одна изъ посылокъ.—Примѣчаніе редактора.

противъ должно было быть основаніемъ для этого послѣдняго. Но, когда противники Декарта—и обстоятельнѣе всѣхъ Гассенди—потребовали у него отчета въ его силлогическомъ выводѣ, то Декартъ, такъ сказать, опомнился отъ своей беззаботности и стала отрицать, чтобы его положеніе было энтилемой, утверждая, что оно есть просто частное сужденіе, которое не могло быть выведено силлогически изъ общаго: всѣ мыслящіе существуютъ, а что напротивъ само должно было быть основаніемъ для этого общаго положенія, такъ какъ вообще, защищается Декартъ: „общія сужденія происходятъ изъ частныхъ“. Поглощему, и такая постановка дѣла не удовлетворительна, потому что въ этомъ случаѣ общее сужденіе было бы продуктомъ не полной индукціи, слѣдовательно, не заключало бы въ себѣ всеобщности и безусловной достовѣрности, а потому и не могло быть основополагающимъ философской системы. При томъ же я могу еще и съ другой точки зренія упрекнуть Декарта въ неясности его основополагала, зависѣвшей отъ неясности понятія бытія. Въ некоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій и споровъ съ противниками Декартъ высказываетъ довольно обыкновенную мысль, что „прежде чѣмъ мыслить, надобно бытъ“; и эта мысль, въ сущности вѣрная, можетъ однако въ постановкѣ Декарта возбуждать сомнѣнія и возраженія. Во первыхъ, спрашивается служатъ ли здѣсь слова: прежде и послѣ, выражениемъ отношенія времени? или же одно прежде другого понимается не въ смыслѣ времени, а по понятію, какъ, напримѣръ, посылки въ силлогизмѣ прежде заключенія не по времени, а по понятію? Если взять отношеніе времени, то, по моему, бытіе и мышленіе просто невозможно ставить въ отношеніе времени. Бытіе и мышленіе ни прежде, ни послѣ другъ друга во времени, ибо они вовсе не составляютъ напр., развивающихся одна изъ другой стадій, или фазисовъ чего либо и т. под. Во всякомъ случаѣ эта постановка совершенно противорѣчила бы учению Декарта о мыслящей субстанціи, ибо бытіе этой субстанціи выражается у него въ дѣятельности мышленія; значитъ, какъ либо существовать и еще не мыслить она не можетъ. Если же бытіе

предшествуетъ мышленію только по понятію, то и тогда положеніе Декарта, по отсутствію опредѣленности въ отношеніяхъ между понятіями бытія и мышленія, можетъ возбуждать сомнѣнія. Наконецъ, неясность въ понятіи бытія у Декарта выражается особенно въ томъ, что онъ не указалъ на тѣ пункты или элементы сознанія, которые служатъ основою для этого понятія, ибо еслибы необходимость такого указанія была имъ сознана, то онъ никогда бы не призналъ бытія материальныхъ субстанцій, ибо непосредственно намъ дано только сознаніе о духовной субстанціи и именно единственно объ собственной нашей. Отъ этой ошибки возникла масса затрудненій во всей его философіи, какъ, напримѣръ, необъяснимость взаимодѣйствія материальныхъ субстанцій съ духовными, отсюда невозможность взаимодѣйствія специально между душою и тѣломъ и наконецъ не выдерживающее никакой критики мнѣніе, что животная суть машины и т. под.

„Результатъ всего сказанного мною объ исходныхъ пунктахъ Декартовой философіи можетъ быть выраженъ такъ: Декартъ повиненъ въ неясномъ сознаніи понятія бытія и въ неудовлетворительной постановкѣ и выраженіи своихъ основоначаль, а потому они необходимо должны были вызвать споры и вообще дальнѣйшее движение философской мысли и преобразованіе системы Декарта. Но однако отсутствіе яснаго и отчетливоаго понятія бытія не мѣшало ему инстинктивно руководиться этимъ понятіемъ въ неясной формѣ и вообще идти въ направленіи настоящаго пути, хотя и сбивалась и уклоняясь въ сторону отъ него. Поэтому Декартъ справедливо занимаетъ такое же положеніе въ новой философіи, какое аѳинскій мудрецъ занималъ въ древней. Подобно ему Декартъ указалъ на самопознаніе, какъ на естественную путеводную звѣзду, ведущую въ истинно-сущему, составляющему вѣчный предметъ философіи и вообще науки. Только въ своемъ „я“ можемъ мы, по Декарту, найти и *критерій*, и, такъ сказать, самый *оригиналъ бытія*, или безусловно достовѣрный примѣръ его. „Я существую“, не есть слѣдствіе или выводъ изъ положеній: всѣ мыслящіе существуютъ,

или я мыслю и т. под.; напротивъ оно скрыто уже включаетъ ихъ въ себѣ. Кромѣ того въ суждениі: „я существую“, субъектъ также скрыто уже заключается въ себѣ предикатъ. Но однако слово: существую, не есть простая тавтология слова: „я“, а *раскрытие, объясненіе* и болѣе полное выражение того, что заключается въ „я“. Конечно, по понятію своему, суждениѣ: я существую, предшествуетъ суждению: я мыслю, потому что, какъ и самъ Декартъ хорошо сознавалъ это и выразилъ въ своихъ „Principia“, или въ „Письмахъ“, — не помню хорошенько — существованіе „я“ могло бы быть выражено и посредствомъ другихъ атрибутовъ „я“, какъ-то: я хочу, я чувствую, я ощущаю и проч. „Я существую“ заключаетъ въ себѣ: „я мыслю“ только потому, что „я“ включаетъ въ себѣ и мысли, и хочу, и ощущаю. Отношеніе же и единство „я“ съ его дѣятельностями и содержаніемъ этихъ дѣятельностей и есть то, что выражается словами: „я существую“. Но это-то истинное значение понятія бытія и было не ясно у Декарта, что, по моему, всего ярче вытекаетъ изъ постановки этимъ философомъ онтологического доказательства, которое мы рассматривали прошлое воскресенье. Очевидно, что Декарту въ не ясной формѣ представлялось, что бытіе есть какое то *состояніе* субъекта въ родѣ мышленія, чувствованія и т. под., только состояніе, включающее въ себѣ другія и самое первоначальное сравнительно съ ними, предшествующее имъ и по времени...»

Я. Извините, Сократъ Ивановичъ, если я остановлю и напомню вамъ, что, вѣдь, и Кантъ, говоря, что бытіе не есть „реальное опредѣленіе“ вещи, кажется, хотѣлъ выразить тоже самое, что теперь вы говорите, т. е., что бытіе не есть какое либо состояніе или дѣятельность субъекта.

Сократъ. Совершенно вѣрно, что въ запутанной терминологии Канта выражена и та мысль, что бытіе, выражаясь моими терминами, не есть дѣятельность или состояніе, но, опровергая Декарта и его онтологическое доказательство, Кантъ самъ впадаетъ въ еще горшее заблужденіе, чѣмъ Декартъ, ибо вмѣстѣ съ сенсуалистами

переносить бытіе исключительно на объекты или содержаніе нашей чувствено воспринимающей дѣятельности. Въ заключеніе постараюсь, по желанію Петра Семеновича, возможно кратко выразить различіе понятіе бытія и исходныхъ пунктовъ философіи Декарта и высказанныхъ мною мнѣній.

„По Декарту, мы имѣемъ вполнѣ ясную идею о дѣятельностяхъ и состояніяхъ, которыя у него всѣ сводятся къ мышленію, собственной субстанціи и черезъ эту идею познаемъ и признаемъ свое собственное существованіе, а что значитъ существовать, то всякому извѣстно. Въ содержаніи нашей дѣятельности или мышленія находится также ясная идея о Богѣ, изъ которой съ безусловной необходимостію слѣдуетъ Его существование; изъ существованія же Бога необходимо слѣдуетъ признаніе бытія субстанцій духовныхъ и тѣлесныхъ, составляющихъ міръ“.

„По недостойному ученику Декарта и другихъ философовъ древнихъ, новыхъ и новѣйшихъ, мы имѣемъ непосредственное и первоначальное сознаніе (=ясная идея Декарта) о собственной субстанціи, о гея различныхъ дѣятельностяхъ и содержаніи этихъ дѣятельностей.—Приводя посредствомъ дѣятельности мышленія это сознаніе въ отношеніе и единство, мы мыслимъ необходимость этого отношенія и единства въ понятіи бытія, которое и выражаетъ сознаніе: что я безъ дѣятельности и содержанія, немыслимо и есть ничто;—дѣятельности безъ содержанія и безъ ихъ единства въ „я“ немыслимы и суть ничто;—содержаніе безъ дѣятельностей, некоторыхъ оно есть объектъ, немыслимо и есть ничто. Что же касается до обосновки и признанія бытія другихъ субстанцій различныхъ ступеней, а также высочайшей субстанціи, то этотъ пунктъ придется мнѣ излагать въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ, а потому я теперь о немъ и не высказываюсь....“

Калгановъ. (Обращаясь ко всемъ присутствующимъ). Теперь я попрошу моихъ дорогихъ гостей закусить и извинить меня, что я, какъ холостой человѣкъ, могу имѣть предложить только холодную пищу, надѣясь, что, когда со временемъ обзаведусь хозяйкой и хо-

злѣствомъ, буду угощать ихъ болѣе основательнымъ образомъ. Еще позвольте просить васъ, дорогіе гости, быть свидѣтелемъ того, что сейчасъ скажетъ мой многоуважаемый другъ, Сократъ Ивановичъ. (Обращаясь къ Сократу). Говорили вы, Сократъ Ивановичъ, что, подобно вѣрному слугѣ, всегда готовому пойти на зовъ излюбленнаго господина, вы считаете своею обязанностію во всякой моментъ вашего существованія служить признанному вами господину, т. е., исповѣдуемому вами философскому ученію? Говорили вы это?

Сократъ. Ну, говорилъ! Что же изъ того?

Калгановъ. Господа, прислушайтесь; онъ говорилъ это! А что изъ того, то увидимъ послѣ.

Карамазова. Пожалуйста, будьте осторожны, Сократъ Ивановичъ! онъ хочетъ подпоить, а потомъ и напасть на васъ. (Подавая ему руку). Пойдемте и сядемте со мной рядомъ!

Сократъ. (Улыбаясь). Значитъ, я буду подъ вашей охраной отъ угрожающей опасности!

Всѣ гости перешли въ другую комнату, гдѣ на письменномъ и другихъ столахъ были обильно разставлены вина и холодныя закуски.

За ужиномъ происходили забавныя сцены, гдѣ Калгановъ и Карамазова напоминали борьбу театральныхъ демона и доброго духа за Тамару. И здѣсь также, какъ и на театрѣ, побѣда несомнѣнно осталась на сторонѣ злого начала, по той простой причинѣ, что и сѣдобородая Тамара ничего больше не желала, какъ пасть. Когда Сократъ, по обыкновенію, передъ закуской уже выпилъ водки, то Калгановъ принесъ изъ своей спальни какую-то особаго вида и формы бутылку, говоря, что это—*старка*, но не та старка, которую можно купить въ погребкахъ и милютиныхъ лавкахъ, а настоящая польская столѣтняя старка, которую онъ пріобрѣлъ въ даръ отъ одного знакомаго польскаго помѣщика. „Хватите-ка, вотъ еще этой старочки для возбужденія духа, Сократъ Ивановичъ!“ угощалъ его Калгановъ, ставя передъ нимъ бутылку.

„Не пейте, не пейте!“ уговаривала Карамазова, „говорятъ, что съ одной рюмки польской старки человѣкъ сильно пьянѣтъ. Не

пейте теперь; я вамъ обѣщаю послѣ найти такой же и еще лучшій старки и угощу васъ“.

„Не бойтесь, Катерина Ивановна“, убѣждалъ ее съ своей стороны Сократъ, „я попробую только одну, единственную капельку и покажу Петру Фомичу, что его злобныя намѣренія разлетятся прахомъ“.

„Не бойся, въ самомъ дѣлѣ“, успокоивъ свою жену Карамазовъ, „я по опыту знаю, что Сократъ Ивановичъ можетъ безнаказанно выпить цѣлое море“.

„Вѣрно, вѣрно, Алексѣй Федоровичъ!“ поддакивалъ Сократъ и, наливши большую рюмку старки, сталъ медленно пить ее.

„Удивительно, какъ мягка, словно масло, а между тѣмъ чрезвычайно крѣпка!“ восклицалъ онъ, смакуя каждый глотокъ и закусывая его пикулями.

Когда гости закусили и выпили тостъ за новорожденного, Калгановъ обратился къ Сократу съ слѣдующимъ вопросомъ: „ну, теперь, Сократъ Ивановичъ, скажите мнѣ вотъ что: Гегель великий философъ или нѣтъ“?

Сократъ. (Съ удивленіемъ). Да на что это вамъ? Какая цѣль этого вопроса.

Калгановъ. Это ужъ мое дѣло; а ваше дѣло отвѣтить на мой вопросъ!

Сократъ. Да какъ же я буду отвѣтить, когда не знаю, для чего вы спрашиваете? Вопросъ то странный!

Калгановъ. Ну, я вижу, что *старка* подействовала, и мнѣ придется вамъ напомнить, что, когда мы разъ съ вами вмѣстѣ были въ банѣ и, не помню объ чёмъ, заспорили, то вы, лежа на полѣ и потирая себя намыленнымъ вѣникомъ, ничего не хотѣли отъ меня выслушивать и только повторяли одно и тоже: „A или не A; по закону исключенного третьаго, tertium non datur“. Такъ, вотъ, и я теперь, безъ всякихъ разговоровъ, прошу отвѣтить: великий философъ Гегель или нѣтъ? по закону исключенного третьаго, tertium non datur.

При этихъ словахъ Калганова послѣдовалъ всеобщій взрывъ хохота.

Сократь. (Наливъ стаканъ содовой воды изъ сифона и выпивъ). Ну, пусть будетъ по вашему! Пусть tertium non datur! Отвѣчай: Гегель не великій философъ, потому что вся его философія не есть нѣчто оригинальное, а представляеть въ сущности, подражаніе и видоизмѣненіе Платона. Но если Гегель и не великій, то все таки замѣчательный философъ, котораго никакъ нельзѧ третировать, какъ то позволяютъ себѣ наши передовыѣ.

Калгановъ. Будьте такъ добры, отвѣчайте только на мои вопросы. Мнѣ этихъ добавленій не нужно, ибо я философіи ни Платона, ни Гегеля совсѣмъ не знаю. Теперь я спрашиваю васъ далѣе: говорилъ ли Гегель ерунду, или не говорилъ?

Сократь. Да вы скажите, что говорилъ и какую ерунду?

Калгановъ. Да вотъ въ родѣ той, которую, по вашимъ словамъ, говоритъ, не знаю, какой-то тамъ отечественный мыслитель или публицистъ, при чтеніи статей котораго у васъ въ ушахъ раздается: *тренъ-дренъ, тренъ-дренъ, тренъ-дренъ*¹⁾....

Въ это время Карамазова налила содовой воды изъ сифона и подала Сократу.

Сократь. (Выпивъ воду). Ну, этого съ Гегелемъ не случалось. Гегель ошибался, впадалъ въ противорѣчія, доходилъ до абсурдовъ, но въ ерундѣ отечественнаго мыслителя не повиненъ. *Тренъ-дренъ* само по себѣ не абсурдъ, а невинное упражненіе на балалайкѣ. Но когда оно одними выдается, а другими принимается за философское мышленіе, то дѣйствительно происходит совершенно специальная разновидность ерунды, которую изрѣдка можно встрѣтить и въ европейской словесности, но которая особенно роскошно произрастаетъ на поляхъ россійской.

Калгановъ. Значить, и по вашему, Гегель говорилъ абсурды,

¹⁾ Звукъ балалайки.—Примѣчаніе автора.

т. е. безмыслицы. Не зная философії Гегеля, я все таки навѣрное знаю, что онъ сказалъ, „что бытіе и ничто есть одно и тоже“. Сказалъ ли это Гегель? и если сказалъ, то что это такое, по вашему: *тренъ-дренъ* или *нѣть*?

Сократъ. Вѣрно, Гегель сказалъ это! вѣрно также и то, что это абсурдъ, но не *тренъ-дренъ*. Отечественный мыслитель *тренъ-каетъ* наивно и не вѣда, что творить; Гегель же былъ человѣкъ системы, человѣкъ смѣлой и послѣдовательной мысли, а потому не наивно, а съ полнымъ сознаніемъ договаривается до абсурдовъ, которые были необходимы логическимъ слѣдствіемъ изъ исходныхъ пунктовъ его системы. Поэтому Гегель, смѣло высказывая абсурдное для его противниковъ положеніе, самъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они слишкомъ мелко плаваютъ, чтобы понять истину его точки зрѣнія, и только поэтому и находятъ ее нелѣпо.

Калгановъ. (Обращаясь ко всѣмъ). Видите, господа, какъ онъ, что называется, *зубы заговариваетъ*! Но я теперь крѣпко вѣщлюсь въ него и не выпущу. (Обращаясь къ Сократу). Теперь я попрошу васъ, не виляя въ стороны, объяснить намъ, какъ же это вашъ „замѣчательный философъ“ дошелъ до абсурда въ понятіи бытія, которымъ какъ вы давеча говорили, инстинктивно, въ не ясной формѣ владѣеть каждый.—Потомъ объясните, что это за философская система, представляющая, по вашему, подражаніе великому философу, Платону, въ которой „бытіе и ничто одно и тоже“. Наконецъ объясните, какъ этотъ *вздоргъ* можетъ быть логическимъ послѣдствиемъ какихъ то тамъ началъ, изъ которыхъ будто бы выходилъ Гегель. Объясните намъ это, а мы послушаемъ.

Сократъ. Хорошо, только сперва вы слушайте терпѣливо, а потомъ уже и задавайте ваши вопросы.

„Гегель, какъ известно, идеалистъ, т. е., философъ, не признающій никакой иной дѣйствительности, никакого бытія, кроме познанія. Такъ какъ полную и совершенную форму и ступень познанія представляютъ понятія, то, по Гегелю, и существуютъ только понятія. Значитъ, понятія у него играютъ ту же роль, какую въ

другихъ системахъ играютъ субстанці или существа духовныя, матеріальныя или же смѣшанныя. По Гегелю, понятія эти *объективны*, т.е., не суть случайная, субъективная принадлежность того или другого человѣка, или результатъ того или другого частнаго мышленія или индивидуального разума, но суть *вѣчныя мысли или идеи*, которая дѣйствительны или существуютъ сами по себѣ и нисколько не нуждаются въ „настъ“, или какихъ либо другихъ существахъ для этой своей дѣйствительности. Пресловутые же „мы“, по Гегелю, не суть субстанці, существующія сами по себѣ, а только *случайныя явленія или нечистыя отображенія* вѣчнаго понятія, которое имѣеть своимъ содержаніемъ человѣка съ различныхъ его сторонъ, какъ существа природы, какъ существа разумнаго, какъ явленія общественнаго и т. п. Для содержанія этого понятія нисколько не важно неисчислимое множество этихъ явленій, подобно тому какъ многочисленные фотографические снимки суть ничто для бытія и свойствъ оригинала, съ котораго они сняты, и напротивъ много ли, мало ли, но непремѣнно искажаютъ его. Во всемъ сейчасъ изложенномъ Гегель, очевидно, повторяетъ Платона. Реальная или самосущія понятія Гегеля суть идеи Платона, а міръ ихъ тѣней, по выражению Платона, или чувственныхъ вещей есть тоже, что міръ индивидуальныхъ явленій Гегеля. Небольшая разница обоихъ философовъ состоитъ въ томъ, что Гегель *систематичные и последовательные* провелъ въ своей философіи платоновъ идеализмъ. У Платона его идеи относятся другъ къ другу, какъ *роды и виды* и однѣ идеи, такъ сказать, заключаютъ въ себѣ или обнимаютъ другія; у Гегеля же объективныя понятія относятся другъ къ другу, какъ, *фазы или ступени* развитія одного и того же понятія. Хотя у Платона міръ идей и имѣеть свое основаніе и единство въ верховной идеѣ блага, но однако платоновъ монизмъ выраженъ не строго, а потому впадаетъ въ плуралізмъ; Гегель же болѣе строгій монистъ, чѣмъ Платонъ. Наконецъ къ платоновой системѣ примѣщиваются, особенно въ формѣ миѳовъ, такія черты, которыя *несвойственны идеализму* и которыя въ его системѣ яв-

ляются въ качествѣ противорѣчій и непослѣдовательностей; но эти черты составляли своего рода богатство платоновой системы и тѣмъ повышали ея значеніе и вліяніе во всей послѣдующей философіи. Отъ этого и происходитъ то явленіе, что и въ древней философіи, и въ новой даже противоположныя направленія одинаково примыкали къ Платону въ тѣхъ или другихъ пунктахъ его философіи или считали его своимъ родоначальникомъ. Такъ, напр., въ новой философіи можно назвать учениками Платона одинаково какъ *реалистовъ* и *индивидуалистовъ*, каковы, положимъ, Лейбницъ и Гербертъ, такъ и *идеалистовъ* и *пантеистовъ*, каковы Спиноза и Гегель".

„Теперь обращусь къ объясненію, какимъ образомъ изъ системы Гегеля вытекаетъ положеніе о тождествѣ бытія и ничто. Какъ известно, въ системѣ Гегеля одна и также идея или понятіе, переходя со ступени на ступень, движется въ трехъ областяхъ и становится *абсолютно* только по завершеніи этого процесса развитія. Всякое отдельное понятіе, т. е., идея на той или другой ступени развитія, не заключаетъ въ себѣ полной истины; въ ней есть недостатокъ, а именно, противорѣчіе, которое и понуждаетъ ее неустанно двигаться. Чтобы снять это противорѣчіе идея переходитъ на слѣдующую ступень развитія, гдѣ становится богаче содержаниемъ, пополняется новыми признаками и получаетъ новое опредѣленіе. Процессъ этотъ продолжается до тѣхъ поръ, пока идея не достигнетъ абсолютнаго богатства и полноты по содержанію, такъ что уже дальнѣйшее развитіе немыслимо и невозможн.".

Серебрякова. Извините, Сократъ Иванович! Я рѣшиительно ничего тутъ не понимаю! Какимъ образомъ идея движется, останавливается, переходитъ на разныя ступени обогащается содержаніемъ, и гдѣ она беретъ это содержаніе? Извините! но неужели же всѣ эти слова имѣютъ какой либо удобопонятный смыслъ?

Сократъ. Что дѣлать то, Анна Михайловна! Я уже не разъ говорилъ, что у философіи, какъ и у другихъ наукъ, есть свой техническій языкъ который нужно узнать. Кромѣ того я объяснялъ

вамъ и то, что она для выраженія своего ученія должна необходимо прибѣгать къ не точнымъ, метафорическимъ или иносказательнымъ выраженіямъ. Говорилъ я также и о томъ, что противъ этого неудобства есть только одно средство: это, на сколько возможно, избѣгать фигуральныхъ выраженій въ философскихъ сочиненіяхъ, а гдѣ нельзя обойтись безъ нихъ, тамъ опредѣлять смыслъ, въ какомъ они употребляются для того, чтобы они не повели къ недоразумѣніямъ. Что касается до философіи Гегеля, то она такъ много злоупотребляетъ метафорою и не точнымъ, иносказательнымъ словоупотребленіемъ, что не уступитъ въ этомъ отношеніи позитивизму или феноменизму. Такъ выраженія, приводящія васъ въ затрудненіе, нужно понимать совсѣмъ иносказательно. Про движение понятій по ступенямъ Гегель говорить въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ можно, напр., говорить про движение чиселъ, которыя, начиная отъ единицъ, переходятъ постепенно въ десятки, сотни, тысячи и т. д., при чёмъ они, такъ сказать, дѣлаются полнѣе, богаче величиною. Что касается до того, откуда берется пополненіе содержанія понятія признаками, то Гегель претендуетъ, что мысль или понятіе развивается или добываетъ это новое дополненіе изъ самой себя, подобно тому, какъ всякое число *in abstracto* можетъ быть пополнено одной, двумя, тремя и, сколькими угодно, единицами на основаніи самого понятія числа. Конечно, долженъ я замѣтить при этомъ, такое развитіе понятія изъ самого себя въ системѣ Гегеля происходитъ только на словахъ; на дѣлѣ же оно у него совершается при помощи фактовъ или того, что мы называемъ опытомъ, при помощи содержанія наукъ, вообще мышленія и пр. Очевидно, что, на основаніи этой точки зрѣнія, у Гегеля въ каждой изъ трехъ областей развитія идеи, т. е., въ области *абстрактно-логической*, въ области *природы* и въ области *духа*, движение ея начинается съ самыхъ общихъ и бѣдныхъ, по содержанію, понятій. Эти первоначальная понятія или исходные пункты всяческаго развитія и дальнѣйшія ихъ ступени Гегель находитъ весьма просто, при помощи двухъ извѣстныхъ изъ формальной логики *процессовъ* перехода понятій изъ болѣе об-

щихъ въ менѣе общія, или изъ родовыхъ въ видовыя, и обратно. Одинъ изъ нихъ, процессъ *дeterminaciї* состоить въ томъ, что къ понятію родовому прибавляются признаки, которые переводять его въ частное или видовое. Другой процессъ *abstrakciї* состоить въ томъ, что отъ частнаго понятія отнимаются признаки, отчего оно становится болѣе общимъ и абстрактнымъ. Руководясь процессомъ абстракціи и отвлекаясь отъ всякаго особаго содерянія мысли или понятія вообще, Гегель находитъ исходный пунктъ абстрактно-логической области въ понятіи „чистаго бытія“, въ которомъ уже нѣть ничего, отъ чего можно было бы отвлечься. Всѣ объясненія и опредѣленія которые Гегель давалъ своему понятію чистаго бытія, какъ напр., „что оно непосредственная неопредѣленность или чистая неопредѣленность, чистое отвлеченіе, слѣдовательно, абсолютное отрицаніе, пустота, безразличіе, въ которомъ ничего не различено и отъ которого ничто не отличается и т. п.“—всѣ эти опредѣленія¹⁾ ясно указываютъ, что это чистое бытіе не есть понятіе или мысль, а пустое слово, подъ которымъ вообще ничего нельзя разумѣть и подъ которымъ самъ Гегель ничего не разумѣлъ. Поэтому совершенно справедливо Гегель отождествляетъ это „бытие“ съ „ничто“, говоря, что ихъ мнимое абсолютное различіе есть только одно *мнѣніе*, „по которому ничего нѣть легче, какъ отличить ничто отъ бытія“. Но на самомъ дѣлѣ, думаетъ Гегель, это различіе „невозможно и невыразимо“, а потому онъ и вызываетъ насмѣшливъ послѣдователей ходячаго мнѣнія объ абсолютномъ различіи бытія и ничто попытаться сдѣлать ихъ опредѣленіе и указать на это различіе. Причину этого безразличія бытія и ничто Гегель видѣть въ томъ, что какъ для того, такъ и для другого, нѣть болѣе общаго понятія, на которомъ они могли бы различаться и, слѣдовательно, подъ которое они бы подходили. Конечно, это

¹⁾ Всѣ приведенные здесь подлинныя слова, положенія и ученіе Гегеля можно найти въ его „Логикѣ“ (полной и сокращенной), переводъ которой есть и на русскомъ языкѣ.—Примѣчаніе редактора.

совершенно справедливо, потому что, когда мы отвлечемся отъ всѣхъ признаковъ понятія о какой либо опредѣленной вещи, то несомнѣнно останется гегелево „чистое бытіе“ или, еще вѣрнѣе, гегелево-же „ничто“. Очевидно, что этотъ результатъ всего гибельнѣе для самой системы Гегеля, ибо, если „бытіе и ничто одно и тоже“, то вовсе *не можетъ быть и нѣтъ перехода* отъ одного къ другому, а *есть* только, говоря фигурально, *бездѣлное топтанье* въ абсолютно пустомъ мѣстѣ. Вмѣстѣ съ отсутствіемъ перехода понятія бытія въ свою мнимую противуположность, или ничто нѣтъ и третьаго понятія: *возникновеніе* (по нѣмецки Werden), которое должно, по системѣ, составлять „синтезъ бытія и ничто“ и дальнѣйшій пунктъ развитія идеи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ вообще діалектическаго движения понятій; а съ этимъ распадается и вся система Гегеля. Конечно, Гегель не могъ этого замѣтить, ибо въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы совершенно отказаться отъ своей философской системы.

„Теперь я подведу *итогъ* всему сказанному о Гегелѣ.

1) Упрекая ходячее мнѣніе въ его заблужденіяхъ относительно понятія бытія, Гегель самъ во многомъ раздѣляетъ ихъ. Такъ, вмѣстѣ съ этимъ ходячимъ мнѣніемъ, Гегель считаетъ весь пространственно-временный міръ за существующій. Конечно, можно возразить, что между ними большая разница въ томъ, что ходячее мнѣніе, стоя на почвѣ *наионального реализма*, считаетъ существующими отдельныя представлениа вещей и явленій, а Гегель, какъ *философъ-идеалистъ*, считаетъ сущимъ не явленія, а общія понятія, которыя образуются посредствомъ абстракціи и соединенія признаковъ, принадлежащихъ какой либо группѣ однородныхъ вещей. Но разница эта велика только по видимости, а въ сущности не важна, потому что, вѣдь, общія понятія образуются на основаніи отвлеченія признаковъ отъ этихъ отдельныхъ представлений или образовъ вещей. Въ этомъ отношеніи Гегель раздѣляетъ ошибку Платона и другихъ идеалистовъ, которые, называя матерію ничто или пустымъ явленіемъ, въ сущности и тихомолкомъ признаютъ

это мнимое ничто такимъ же реальнымъ и дѣятельнымъ принципомъ, какъ и идеи Платона или понятія Гегеля¹⁾). Эта ошибка Гегеля приводитъ его къ другой, что онъ видѣлъ бытіе только въ одной изъ сторонъ его, а именно: въ *объектахъ* или въ *содержанії*. Изъ дѣятельностей же признаваема имъ была одна—именно мышленіе—да и то весьма не ясно; самыи же главный элементъ бытія, индивидуальную субстанцію или „я“, Гегель вовсе не признавалъ и видѣлъ въ немъ источникъ противорѣчій.

2) Далѣе ошибочно признавая *бытие за признакъ* объекта и полагая, что и понятіе бытія образуется также, какъ вообще образуются понятія о содержаніи или объектахъ, т. е., путемъ отвлеченія или абстракціи, Гегель послѣдовательно пришелъ къ утвержденію, что опредѣленіе этого понятія невозможно, къ утвержденію, которое, конечно, было бы справедливо, если бы дѣйствительно понятіе и опредѣленіе бытія можно было найти путемъ абстракціи. Но, какъ мы уже видѣли въ прошлой бесѣдѣ, понятіе бытія получается *не абстракціей*, а приведенiemъ въ отношеніе и единство тѣхъ простыхъ и первоначальныхъ пунктовъ сознанія, на основаніи которыхъ возникаетъ и образуется *новый* пунктъ сознанія, именно *сознаніе безусловно-необходимой связи* этихъ простыхъ и первоначальныхъ элементовъ, или то, что мы называемъ понятіемъ бытія.

3) Не признавая реальности или бытія за субстанціей и дѣятельностями, Гегель *не могъ замѣтить*, что отвлеченіе отъ содержанія продуктовъ или отъ объектовъ нашей познавательной дѣятельности вообще и въ частности отъ объектовъ мышленія вовсе не ведетъ къ ничто. Пусть я отвлекаюсь отъ содержанія представленій всѣхъ вещей временно-пространственного міра, или, говоря точнѣе, пусть я не мыслю всего содержанія таекъ называемаго объектив-

1) Позволю себѣ указать на отношеніе Платона къ матеріи въ моемъ сочиненіи: „Методъ и направленіе философіи Платона“ страница 162 и слѣд.—Примѣчаніе редактора.

наго міра, у меня все таки необхідно остается сознаніе прежде всего о своемъ „я“, которое не мыслитъ это содержаніе; и не мыслитьъ, потому что преднамѣренно не想要 мыслитьъ, совершая такимъ образомъ внутренній экспериментъ. Значить, къ сознанію объ „я“ присоединяется и сознаніе о его дѣятельностяхъ, напр., о дѣятельности хотѣнія. Но даже не уничтожается и не превращается въ ничто и сама познавательная вообще и въ частности мыслительная дѣятельность, ибо и самое это мое отвлеченіе есть, вѣдь, тоже актъ мышленія. Наконецъ, если не исчезаетъ дѣятельность мышленія, то, конечно, не исчезаетъ и содержаніе или объектъ этой дѣятельности. Является въ сознаніи мысл о ничто, по отношенію къ содержанію, т. е., мысль о томъ, что устраниены въ сознаніи мышленіемъ-же множество продуктовъ этого мышленія, т. е., множество объектовъ его, или въ данномъ случаѣ понятій, имѣющихъ своимъ содержаніемъ временно-пространственный міръ. Итакъ, не только никогда бытіе, по самому его понятію, не можетъ отождествляться съ ничто, не можетъ переходить въ ничто, но оно есть единственное условіе для самой мысли о ничто, таѣ что, говоря образно, мы отъ бытія никуда не скроемся. Все это было уже давно высказано однимъ изъ величайшихъ мыслителей человѣчества, эллиномъ Парменидомъ, въ нѣсколько не ясномъ, по формѣ, но истинномъ, по сущности, положеніи: *только бытіе есть, небытіе же (т. е. ничто) не есть.*

4) Идя по ложному пути и доходя до абсурда въ отождествленіи бытія и ничто, Гегель былъ, конечно, послѣдовательнѣе ходящаго мнѣнія, которое, однако, руководясь вѣрнымъ инстинктомъ, вполнѣ право въ томъ, что ничто противоположно бытію. Отрицая эту, хотя и инстинктивно признаваемую ходящимъ мнѣніемъ, истину, Гегель въ своей послѣдовательности дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ, а именно: онъ *реализовалъ* ничто и придалъ ему положительный и дѣятельный характеръ. Ничто есть всегда *только отрицаніе*, мыслимое относительно положительного бытія въ какой либо изъ трехъ вышеизложенныхъ мною его сторонъ. У Гегеля же ни-

наго міра, у меня все таки необходимо остается сознаніе прежде всего о своемъ „я“, которое не мыслитъ это содержаніе; и не мыслить, потому что преднамѣрено не хотеть мыслить, совершая такимъ образомъ внутренній экспериментъ. Значить, въ сознанію объ „я“ присоединяется и сознаніе о его дѣятельностяхъ, напр., о дѣятельности хотѣнія. Но даже не уничтожается и не превращается въ ничто и сама познавательная вообще и въ частности мыслительная дѣятельность, ибо и самое это мое отвлеченіе есть, вѣдь, тоже актъ мышленія. Наконецъ, если не исчезаетъ дѣятельность мышленія, то, конечно, не исчезаетъ и содержаніе или объекти этой дѣятельности. Является въ сознаніи мысль о ничто, по отношенію къ содержанію, т. е., мысль о томъ, что устраниены въ сознаніи мышленіемъ-же множество продуктовъ этого мышленія, т. е., множество объектовъ его, или въ данномъ случаѣ понятій, имѣющихъ своимъ содержаніемъ временно-пространственный міръ. Итакъ, не только никогда бытіе, по самому его понятію, не можетъ отождествляться съ ничто, не можетъ переходить въ ничто, но оно есть единственное условіе для самой мысли о ничто, таѣмъ что, говоря образно, мы отъ бытія никуда не скроемся. Все это было уже давно высказано однимъ изъ величайшихъ мыслителей человѣчества, эллиномъ Parmenidomъ, въ нѣсколько не ясномъ, по формѣ, но истинномъ, по сущности, положеніи: *только бытіе есть, небытіе же (т. е. ничто) не есть.*

4) Идя по ложному пути и доходя до абсурда въ отождествленіи бытія и ничто, Гегель былъ, конечно, послѣдовательнѣе ходячаго мнѣнія, которое, однако, руководясь вѣрнымъ инстинктомъ, вполнѣ право въ томъ, что ничто противоположно бытію. Отрицая эту, хотя и инстинктивно признаваемую ходячимъ мнѣніемъ, истину, Гегель въ своей послѣдовательности дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ, а именно: онъ реализировалъ ничто и придалъ ему положительный и дѣятельный характеръ. Ничто есть всегда *только отрицаніе*, мыслимое относительно положительного бытія въ *какой либо* изъ трехъ вышеизложенныхъ мою его сторонъ. У Гегеля же ни-

что не только вообще представляеть какую-то реальность, но даже есть множество этихъ *реальныхъ ничто*. Въ сущности, антитезы¹⁾ гегелевыхъ *триадъ*, которые, по основному его принципу, должны бы быть только отрицаніемъ, всѣ вмѣстѣ и каждая порознь тихо-молкомъ понимаются, какъ нѣчто положительное и реальное, ибо иначе не могло бы быть никакой рѣчи о движениі и процессѣ. Такъ, напр., антитезисъ всей системы Гегеля въ ея цѣломъ, т. е., природа, есть несомнѣнно нѣчто реальное. Конечно, долженъ я, во избѣжаніе недоразумѣнія, замѣтить, вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ эту реальность разумѣть ходячее мнѣніе или *наивный реализмъ*, а также *философскій материализмъ*, т. е., что вещи, занимающія пространство, суть субстанціи, или что они состоять изъ субстанцій въ родѣ атомовъ. Матеріальная природа есть нѣчто реальное *въ томъ смыслѣ*, что всѣ элементы ея суть выраженія и продукты различныхъ дѣятельностей подлинныхъ субстанцій, которые понимаютъ себя, какъ „я“, а именно: дѣятельности ощущенія (цвѣта, звука и проч.), дѣятельности представлениія (образы вещей) дѣятельности мышленія (понятія вещей, силь, процессовъ) и т. под. Изъ сказанного сейчасъ можно было бы весьма легко вывести возможность перехода идеализма Гегеля въ сенсуализмъ и материализмъ, что и случилось въ дѣйствительности, когда такъ называемая *львая сторона* гегелевской школы, въ лицѣ Фейербаха и другихъ, перешла въ эти направлениія.

„Гегелево „ничто“ представляеть намъ поводъ къ изслѣдованию этого понятія, которое состоитъ изъ столькихъ же сторонъ, изъ сколькихъ состоитъ и понятіе бытія и которое представляеть простое отрицаніе или содержанія, или дѣятельностей, или субстанцій.

¹⁾ Движеніе понятія въ Гегелевской системѣ идетъ тріадами. Во всѣхъ сферахъ понятіе сперва является *тезисомъ*, потомъ *антитезисомъ* (т. е. отрицаніемъ, противорѣчіемъ тезиса) и наконецъ *синтезомъ* (и въ то же время новымъ тезисомъ), или соединеніемъ тезиса съ антитезисомъ.—Примѣчаніе редактора.

Но такъ какъ это изслѣдованіе потребовало бы цѣлой специальной бесѣды, то мы и отложимъ его до какого нибудь другого случая, тѣмъ болѣе, что оно теперь не особенно нужно. Сегодня же твердо пребудемъ въ бытіи, не бросаясь изъ него въ ничто.... (Обращаясь къ Калганову). Ну, теперь, Петръ Фомичъ, нѣтъ ли у васъ еще какого либо вопроса?...

Калгановъ. Ну, ужъ я вижу, что вы едва дышите, а потому не только не стану васъ болѣе преслѣдовать, но угощу отличнымъ лянсиномъ. Я знаю, что подъ утро вы любите побаловаться чайкомъ и сейчасъ велѣль подать самоваръ.

Карамазовъ. Хотя вы и устали, Сократъ Ивановичъ, но я ужъ попрошу, чтобы вы посвятили и мнѣ минутъ десятокъ, другой. Во время вашего разговора мнѣ приходила въ голову мысль, которую я и хочу проверить при вашей помощи. Если эта мысль состоятельна, то тогда я могу быть уверенъ, что понялъ вашу точку зрѣнія на понятіе бытія.

Сократъ (взявши стаканъ чаю отъ Карамазовой, которая его разливала.) Съ удовольствіемъ готовъ служить вамъ, Алексѣй Федоровичъ! (Пробуя чай). Нѣсколько глотковъ этого душистаго напитка пробудятъ во мнѣ должную для того energію. Излагайте-же вашу мысль.

Карамазовъ. Мнѣ казалось, что, по вашему, слово: бытіе, за исключеніемъ тѣхъ многочисленныхъ выражений, где оно употребляется иносказательно и вмѣсто многихъ другихъ словъ, выражаетъ сознаніе и мысль о безусловно-необходимомъ отношеніи субстанцій къ ихъ дѣятельностямъ и содержаніямъ этихъ дѣятельностей. Или, иначе говоря, словами: бытіе, существованіе, всѣ люди и образованные, и необразованные, и философы, и не философы выражаютъ свое сознаніе и знаніе о субстанціяхъ и о томъ, что къ нимъ относится или имъ принадлежитъ. Это сознаніе, какъ бы смутно и не ясно оно ни было, всѣ люди понимаютъ, а многие могутъ и выразить, въ положеніи: *существуютъ только субстанции*. Съ этимъ положеніемъ будутъ согласны всѣ люди, если

имъ какимъ либо образомъ объяснить смыслъ терминовъ, входящихъ въ него. Затѣмъ между ними уже начнется разногласіе прежде всего въ *характерѣ и природѣ* этихъ субстанцій. Материалисты признаютъ только материальная субстанція, занимающая пространство; вы, вмѣстѣ съ тѣми философами, которымъ вы слѣдуете, признаете только духовная субстанція, третыи признаютъ смѣшанныя субстанціи. Далѣе идетъ разногласіе въ *число и свойствахъ* субстанцій. Одни признаютъ только одну субстанцію, другіе — многія; одни видятъ дѣятельность субстанцій въ одной только перемѣнѣ ихъ мѣстъ въ пространствѣ, другіе въ одномъ только познаніи, или только въ мышленіи, третыи въ одномъ только хотѣніи или чувствованіи и т. д. Вы, по видимому, признаете у субстанцій разнообразную дѣятельность. Такъ ли я это понимаю?

Сократъ. Совершенно вѣрно! Общий пунктъ утвержденія бытія за субстанціями дѣйствительно принадлежитъ всему роду человѣческому и, по моему, по той простой причинѣ, что весь родъ человѣческій образуетъ съ большою или менышею ясностію идею субстанціи и акциденцій, а также и идею бытія на основаніи непосредственнаго, первоначального и простого сознанія своей собственной субстанціи и ея дѣятельности.

Карамазовъ. Исключеніемъ изъ сказанного и въ то же время *возраженіемъ* на него могутъ, по видимому, служить позитивисты и скептики, но изъ нашихъ бесѣдъ я убѣдился, что все ихъ отрицаніе субстанцій происходитъ только на словахъ. Отрицающую духовную субстанцію они на дѣлѣ утверждаютъ въ словечкѣ: „мы“, а еще болѣе и яснѣе они утверждаютъ материальная субстанціи или атомы физики и химіи, когда вмѣстѣ съ материалистами ставятъ отъ нихъ въ зависимость всѣ біологическая и психическая явленія.

Сократъ. И это совершенно вѣрно! Скептицизмъ, феноменизмъ или позитивизмъ, гдѣ ни появлялся, какъ напр., въ философскихъ школахъ Греціи и даже Индіи, вездѣ подавалъ руку материализму и болѣе или менѣе открыто переходилъ въ него или же въ наив-

ный реализмъ. Вообще я позволю себѣ еще разъ настоятельно со-
вѣтовать моимъ собесѣдникамъ, при встрѣчѣ съ позитивистами,
сильно остерегаться ихъ словесной софистики и требовать опредѣ-
ленія употребляемыхъ ими словъ и именно словъ, которые кажутся
такъ понятными, такъ простыми. Таковы, напримѣръ, слова: *фактъ,*
опытъ, которыми, повидимому, прекращаются всевозможные споры
и затрудненія. „Это фактъ, это опытъ, это дано въ опытѣ, это из-
вѣстно изъ опыта, для этого есть фактическое доказательство“,
такъ говоримъ мы, предполагая устраниТЬ всѣ возраженія и сом-
нѣнія по отношенію къ какому нибудь положенію или понятію.
Но, по моему, мало словъ, которые бы употреблялись въ столь же
различномъ и столь *неопределенномъ* смыслѣ, какъ слова: фактъ и
опытъ. Можно было бы составить цѣлую диссертaciю о неопределѣ-
ленности и различіи смысла въ употребленіи этихъ словъ. Но мы
коснемся этого предмета уже какъ нибудь въ другое время.

Карамазовъ. Послушайте еще, вѣрно ли я вхожу въ вашу
мысль, когда думаю, что прежде всего вамъ, въ союзѣ съ идеа-
листами, спиритуалистами и даже съ материалистами, должно бо-
роться съ позитивизмомъ и скептицизмомъ. Затѣмъ на второмъ
планѣ стоитъ борьба съ материализмомъ, а потомъ уже приходится
разбираться, какъ сказать, какъ бы въ единоплеменной семье съ
разными теченіями и оттѣнками въ томъ или другомъ отношеніи
родственными вашему.

Сократъ. И съ этимъ я съ вами согласенъ, только сдѣлалъ бы
маленькую поправку въ вашемъ планѣ. Во первыхъ, вами пропу-
щенъ самый упорный и, къ несчастію, почти необоримый для
меня врагъ, а именно: *наивный реализмъ*—или безотчетное, смутно
сознаваемое, а потому всецѣло переплетенное съ продуктами фан-
тазіи, мышленіе. Говорю: „почти необоримый врагъ“, потому что
наивный реализмъ также мало доступенъ единственному оружію
философіи, отчетливому, строго-логическому мышленію, хотя бы
самому глубокому и проницательному, какъ не доступенъ кисель
ножу, какъ бы остеръ онъ ни былъ. Конечно, съ этимъ врагомъ

должны, пожалуй, бороться и въ направлениі философії, за исключениемъ однако матеріализма, для котораго наивный реализмъ служить въ настоящее время въ родѣ приготовительного класса. Какъ скоро наивные реалисты получаютъ нѣкоторое научное образованіе и особенно нѣсколько знакомятся съ естествовѣденіемъ, то сейчасъ же и переходятъ въ философскій матеріализмъ, все болѣе и болѣе присвоюющій себѣ привилегію (улыбается, смотря на Красоткина) быть какъ бы представителемъ такъ называемыхъ точныхъ наукъ. Позитивизмъ же опасенъ только тѣмъ, что, подъ предлогомъ *научности*, онъ болѣе или менѣе тонко, но постоянно переходитъ въ тотъ же матеріализмъ. Но въ болѣе чистой и строгой формѣ, въ которой онъ являлся, правда, у очень немногихъ философовъ, какъ, напр., у Юма, скептицизмъ или позитивизмъ не можетъ имѣть широкаго распространенія и вліянія. Въ этой формѣ я даже считаю его до извѣстной степени своимъ союзникомъ, а потому всякому, конечно не начинаящему, а уже нѣсколько искушившемуся въ философії, я охотно посовѣтую, для лучшей очистки ума отъ разныхъ наивностей, изучить Юма, или Милля, или Тена и другихъ. Разумѣется, я посовѣтую *дѣйствительно изучать* ихъ, серьезно и критически вдумываясь въ ихъ ученіе, *а не хватать* изъ ихъ сочиненій слова, фразы и цѣлые отрывки, какъ дѣлаютъ нѣкоторые наши позитивисты, для того, чтобы угощать ими русскаго читателя въ томъ же сыромъ видѣ, но подъ этикеткой заграничныхъ примѣровъ и новостей.—Итакъ, въ концѣ концовъ, изъ всѣхъ философскихъ направлений, съ которыми приходится бороться тому направлению, къ которому я себя причисляю, самымъ сильнымъ врагомъ является матеріализмъ, какъ въ собственной, явной его формѣ, такъ и въ прикрытомъ видѣ, а именно: въ видѣ наивнаго реализма, въ видѣ позитивизма и даже въ видѣ естествовѣденія, когда оно изъ *условнаго знанія* произвольно переходитъ въ *абсолютное*.

Карамазовъ. Еще предложу вамъ одинъ и послѣдній вопросъ. Хотя, по вашему, подъ бытіемъ разумѣется первонаачальная и не-

посредственная данность и действительность субстанций съ ихъ дѣятельностями и содержаниемъ; но нельзя ли это понятіе и слово прилагать и къ каждой изъ трехъ сторонъ понятія бытія, взятой отдельно или о себѣ. Такъ нельзя-ли говорить, что цвета, звуки, запахи, представляемые образы, картины воображенія, мысли или понятія, чувства, хотѣнія суть или существуютъ? Да же, нельзя ли утверждать, что зрѣніе, слухъ, мышленіе, представлениe, хотѣніе, въ смыслѣ дѣятельностей, суть или существуютъ? Наконецъ точно также нельзя-ли вообще выражаться въ такомъ же родѣ и о субстанціяхъ, какъ напр.: въ мірѣ существуютъ существа или субстанціи различныхъ свойствъ и силъ? Такое употребленіе словъ: бытіе, существованіе, несомнѣнно совпадало бы съ общимъ употребленіемъ ихъ, господствующимъ въ языкѣ, что, конечно, имѣло бы свою выгоду, потому что бороться съ установившимся языкомъ чрезвычайно трудно. По моему, вмѣсто тяжкой и сомнительной борьбы съ господствующимъ употребленіемъ языка, нельзя ли войти въ какой нибудь компромиссъ съ нимъ, но такъ чтобы отъ того не пострадала философская истина?

Сократъ. Вполнѣ согласенъ съ вами въ томъ, чтобы вообще избѣгать борьбы съ словоупотребленіемъ въ языкѣ. Пусть оно видоизмѣняется и развивается само собою вмѣстѣ съ развитиемъ народа и общества! Точно такъ же я не вижу ничего неправильного и ошибочнаго въ приложеніи термина: бытіе, къ каждой изъ трехъ сторонъ этого понятія, потому что, вѣдь, всѣ онѣ относятся къ бытию, къ реальности, къ дѣятельности. Однако это употребленіе законно и не ведеть къ заблужденію только тамъ, где можно допустить, что при утвержденіи бытія за одной изъ сторонъ, *молчаливо подразумываются* и двѣ остальные. Но если есть поводъ оподозрить, что, при помощи обычаго словоупотребленія, проводится та или другая ошибочная или односторонняя философская система, то тутъ *необходимо* протестовать, входить въ объясненія и въ споръ не съ языкомъ, конечно, а съ системою. Такъ, напр., когда идеалисты утверждаютъ, что однѣ только идеи существуютъ, то необ-

ходимо это отрицать и утверждать, что идеи, или мысли, или понятия, конечно, существуют, но не сами по себе, а въ актѣ мышленія мыслящихъ существъ, или когда какая либо философская школа утверждаетъ, что существуетъ воля или хотѣніе или какая нибудь другая дѣятельность, но отрицаетъ субстанціи, которыхъ хотятъ или дѣйствуютъ, опять таки необходимо протестовать и противъ этого. Или, когда, напр., кантіанизмъ утверждаетъ, что существуетъ что-то („вещь сама въ себѣ или субстанція“), обѣ чѣмъ ничего нельзя знать, потому что это что-то ни въ чёмъ не проявляется намъ "своего существованія, то мы смѣло можемъ считать такую субстанцію за ничто.

„Этимъ отвѣтомъ на вашъ вопросъ мы и закончимъ сегодняшнюю нашу бесѣду. Конечно, въ ней мы не исчерпали всѣхъ недоумѣній и вопросовъ, которые можетъ возбуждать изложенное мною понятіе бытія, но все таки наиболѣе важное обѣ этомъ предметѣ было сказано. Впрочемъ, съ каждой новой бесѣдой все ярче будетъ выясняться и мое понятіе бытія по той простой причинѣ, что оно составляетъ *сущность* и какъ бы *экстрактъ* цѣлой системы, которой я слѣдую. Въ этомъ отношеніи *панспихизмъ* подчиняется общему закону философскаго знанія, который можно выразить такъ: *каково понятіе бытія, такова и философская система, и наоборотъ*. Въ слѣдующихъ бесѣдахъ мы послѣдовательно займемся понятіями времени, пространства, движенія и въ нихъ, такъ сказать, заложимъ *фундаментъ* для возведенія *метафизической зданія*, въ которомъ, по моему, для разума будетъ легче и привольнѣе, чѣмъ всякие наиновѣйшіе и наинаучнѣйшіе позитивизмы, феноменизмы, эволюціонизмы и, въ концѣ концовъ, материализмы.

Затѣмъ между присутствующими поднялся вопросъ, когда, гдѣ и какъ сойтись для слѣдующей бесѣды. Наконецъ всѣми было принято предложеніе Карамазовыхъ, въ слѣдующую пятницу, въ которую былъ праздничный день,ѣхать всѣмъ въ Царское Село, осматривать вмѣстѣ съ Карамазовыми дачу, которую они хотѣли

нанять тамъ себѣ на лѣто. Было условлено, чтобы всѣ прибыли къ 11-ти часовому поѣзду на вокзалъ Царско-сельской дороги.

Солнце уже давно взошло, когда мы распостились и разошлись¹⁾.

Платонъ Калужскій.